

Наталья КРАСАВЦЕВА*г. Петрозаводск*

Валентина шла по улице с просторной сумкой, в которой умещалось многое: продукты, в том числе картошка, моющие средства, школьные тетради для дочери, легкая модная курточка для нее же. Решила рискнуть — взять без примерки и согласия Ани. Цена оказалась подходящей, тут уж не до выбора — будет носить, никуда не денется. С зарплаты накупила всего, что попало под руку по дороге домой. Зима только начиналась, выпавший снег таял, потом застывал, превращаясь в скользкую корку на тротуаре, идти по этому настилу было трудно.

Вот если б Сергей был жив... Не таскала бы она тяжести, потому что это было его обязательство — сам так с начала их семейной жизни распорядился. Валентина всегда ходила налегке, хотя оба не стремились к неукоснительному соблюдению несложных правил ведения хозяйства, и вообще, хлопоты эти никого из них не отягощали, а скорее наоборот, объединяли семью. Нередко в выходные они вдвоем отправлялись по магазинам, и тогда даже самые незначительные приобретения казались невероятно удачными. Если же на такой день выпадало ненастье, то снег и ветер совершенно не удручали, и никакой ледяной настил не пугал, невозможно было ни упасть, ни поскользнуться, потому что рядом был он. А так... Что теперь думать о прошлом? Оно приходит в воспоминаниях и уходит в повседневную обыденность, но отдельные его яркие страницы всегда в сердце.

Острота утраты со временем проходила, но память возвращала Валентину к ушедшей счастливой жизни — замужней. Складывалась она непросто. До решающего момента те немногие, с которыми можно было поделиться сокровенным, не советовали ей связывать жизнь с человеком мно-

Я ЛЮБЛЮ
Встречи,
расставания...

повесть

го старше ее, да еще женатым. Разница в возрасте составляла пятнадцать лет. Но разве это так уж много? Главное препятствие состояло в другом — к моменту их знакомства он не был свободен, хотя его брак давно находился на грани разрыва. Теперь Валентина понимала: не встретил бы Сергей ее — возможно, и не развелся бы с женой. Так и продолжали бы они жить без любви и согласия. Мало ли семейных пар коротают совместное жительство таким образом? Вроде бы и дети выросли и есть возможность без ущемления прав обоих поделить «совместно нажитое имущество» и жилплощадь, но что-то мешает сделать решительный шаг, что-то останавливает... А впрочем, возможно и хорошо, что останавливает... Это теперь она, Валентина, так думает, но тогда!.. Когда ей было еще двадцать пять, а ему сорок... Они не смогли, да и не очень-то старались прислушаться к голосу так называемого здравого смысла. Преодолели условности, закрыли глаза на скандалы и угрозы жены Сергея, отчуждение его детей, особенно нескрываемую неприязнь старшего сына. Всё осталось позади, и наступила жизнь, о которой можно было только мечтать. Видеть каждый день Сергея, знать, что любима, с удовольствием выполнять для иных, но не для нее, скучные домашние обязанности и раз в год позволять себе скромный отдых в теплых краях, а потом с радостью возвращаться домой... Сейчас Валентине казалось, что годы жизни с Сергеем промелькнули как один день, и она давным-давно одна, и только дочь Аннушка связывает ее с равнодушным миром.

Дома Валентина привычно разложила по местам покупки и принялась готовить ужин. Аня почти каждый вечер куда-то спешила: то в спортзал, то к подружкам, и возвращалась как раз к ужину. Частенько уроки оставались «на потом», но Валентина старалась изменить ситуацию — что-то удавалось, с чем-то приходилось бороться. Дочь заметно выросла с тех самых тяжелых времен, поэтому требовались или убедительные доводы, или более серьезные методы воспитания, вроде того, что «завтра никуда не пойдешь, пока не сделаешь уроки».

* * *

С будущим мужем Валентина встретила в небольшой компании. Отмечали день рождения Ольги, которой Сергей приходился родным братом. На тот момент ее еще нельзя было назвать подругой, ведь познакомились женщины случайно, в поезде. Валентина ездила навещать маму, а Ольга с семьей возвращалась из отпуска. Обменялись телефонами, потом сходили в театр — Валентина буквально зашла туда вечно занятую домом новую знакомую, а та опекала и периодически собирала многочисленных родственников, улаживала мужа и умудрялась не выпускать из вида обоих детей, сына и дочь. Позже это общение Валентины с Ольгой переросло в дружбу. В тот день Сергей пришел один, потому что в его семье произошла очередная ссора и жена не захотела встречаться с его родней. Он немного опоздал.

— Проходи, Сережа, — засуетилась сестра, приглашая его к столу, — садись, вот твой с Ириной места, сохранили для вас... Или... Извини. Ира снова дома осталась? — она вопросительно взглянула на брата.

— Осталась, — нехотя отозвался Сергей. — О подробностях позже. — Валентине показалось, что гость, устраиваясь за столом, через силу изобразил на лице улыбку. — А пока, как опоздавший, прошу слова с целью поздравить любимую младшую сестренку с днем рождения! Наверное, многие хорошие слова уже сказаны до меня, но я хочу обратить внимание на главное, по крайней мере для меня. — Он выдержал короткую паузу. — Оля, после ухода нашей мамы ты стала связующим звеном в родне. Извините за избитое сравнение, но лучшего не нашел. Так вот без этого звена мы вряд ли были бы до сих пор так дружны и интересны друг другу. За тебя! Живи долго и счастливо во благо всех нас!

Сергей опустошил штрафную и с удовольствием принялся за салаты и другие закуски, любовно приготовленные руками сестры.

Общий разговор, прерванный приходом Сергея, продолжился. Беседа носила довольно-таки оживленный характер. Время было — начало девяностых... И темы, которые еще несколькими годами ранее показались бы

непривычными для семейного застолья, бурно обсуждали даже на дне рождения.

— ...Ой, ну что мы все спорим да спорим, — попыталась направить разговор в мирное русло Ольга. — Все-таки на день рождения собрались!

— О чем спор? — поинтересовался Сергей. — Признавайтесь! Несмотря на то что самый голодный, тоже брошусь в дебаты, — добавил с улыбкой.

— Да все о том же, — отозвался Леонид Сергеевич, пожилой родственник, родной дядя Ольги и Сергея, — о ваучерах. Но ты ешь, ешь. Так о чем мы тут? Вот, пожалуйста, яркий пример тебе. Некоторые несознательные граждане, особенно из молодых, — он выразительно посмотрел на Аленку, Олину дочь, — поступают нечестно по отношению к государству.

— Это он обо мне, — беззаботно отозвалась Аленка. — А все потому, что я продала ваучеры! В Москве недавно была, так там такая демократия! Прямо в метро можно было ваучер этот продать! — Она, не выпуская из рук ножа и вилки, весело оглядела притихшую родню. — Я и продала! И такие сапоги себе отхватила! Лет на пять хватит!

— Ну вот! Что я говорил! — взволнованно воскликнул Леонид Сергеевич. — Как с таким поколением строить новое общество, раз с прежним покончено?!

— Да вы только по старой памяти верите этим новым строителям, — Аленка с удовольствием и не торопясь продолжила орудовать столовыми приборами. — Вот увидите, ни к чему эта приватизация ваша, вернее прихватизация, не приведет. Пусть мы и молодые, но уже успели послушаться и насмотреться хотя бы на собственных родителей и соседей!

— Нет, посмотрите только на нее! — Леонид Сергеевич развел руками. — Я, пожилой человек, стараюсь смотреть в будущее с оптимизмом. А она? Еще на экономиста учится!

— И пусть учится! — подхватил Ольгин сын. — Может, наше поколение будет в состоянии что-то исправить! А вы то с революцией носились, то теперь говорите, что все не так, как надо было, сделали. Поэтому и ваучеры сейчас все, кто хоть что-то соображает, продают, по-

тому что не верят никому и видят, что происходит. Зарплату вон не платят Аленкиной подруге уже месяца три.

— Это частный случай, — возразил сбитый с толку собеседник. — Сергей, ты хоть вразуми ее. Скажи, что думаешь ты, видный инженер со стажем?

Все взоры обратились к Сергею.

— А что тут думать... — Сергей чуть помедлил. — Ладно, выступлю и продолжу трапезу, — он отодвинул тарелку, а гости засмеялись. — В общем, так... Трудно сейчас прогнозировать что-то, но во многом Аленка, на мой взгляд, права. Молодая, не во всем пока разбирается, зато с плеча рубит, но на то она и молодость. Скажу теперь об энергетике, где служу не первый год. Вернее служил... Государству! Сейчас пока не решил, буду ли с таким же рвением трудиться на благо не только государства, но и других хозяев. Отрасль-то наша акционирована. Но лично я против того, чтобы структуры, от которых зависит жизнь нашей большой страны, стали акционерными обществами. Однако таких, как я, никто не спрашивает. Все идет по намеченному не нами пути.

— А как это — «акционирована»? — спросил кто-то из гостей.

— Да вроде бы каждому известно, — Сергей тут же заметил смущенные взгляды. — Простите, вижу, пока не каждому... Если совсем кратко, то акционирование — это когда собственность какого-либо предприятия или даже целой отрасли переходит из рук государства в собственность акционеров. То есть государственная собственность распродается через акции. В энергетике, так же как и в других важных системах, типа нефтяной или газовой, основная часть акций принадлежит все-таки государству. Иными словами, полной приватизации нет, и, надеюсь, такого не случится. Остальная часть акций у других акционеров, и эти акции могут продаваться на бирже. Созданы специальные ведомства, которые управляют этими отраслями, они называются советами директоров.

Валентина решила, что Сергей в этой компании самый информированный человек, да к тому же тот, кто по сравнению с другими работает на одном из важнейших предприятий об-

ласти и, судя по всему, занимает ответственную должность.

Ольга испытующе взглянула на брата:

— Ты, конечно, занял достойное место в вашем совете?

— Должен тебя разочаровать — не занял, — Сергей равнодушно пожал плечами. — Даже не знаю, стоит ли устраивать сейчас ликбез?..

— Стоит, стоит! — послышалось со всех сторон.

— Ладно. Но совсем недолго. Так, в общих чертах. Помните, раньше руководителей назначали вышестоящие инстанции? — Сергей окинул взглядом всех присутствующих. — И вообще, все ответственные должности обсуждались на самом высоком уровне. Наверное, были в этом деле промахи, однако мощную энергетическую систему мы создали. Но теперь эти отдельные неудачи возведены в ранг чуть ли не глобальных катастроф. Правовая и законодательная базы толком не разработаны, новая финансовая система тоже. В результате в одних случаях разваливают то, что было создано раньше, в других — объединяют в корпорации то, что раньше существовало самостоятельно. Вот такие процессы мы и наблюдаем. Что касается меня, то по характеру человек я прямой, а это не всем нравится. Да я и не скрываю, что мне не по нутру эти нововведения.

Сергей умолк и придвинул тарелку с закусками к себе.

Аленка вновь оживилась:

— Дядя Сережа, расскажи народу про акции. Все люди где-то работают. Ну, не все на таких крупных объединениях, как ты, мелкоты тоже хватает. Но вот магазин, к примеру... У моей подруги тоже акции будут?

Сергей вновь отложил вилку:

— Каждый из нас, в том числе твоя подруга, может приобрести на бирже какие угодно акции, были бы деньги. Если, конечно, речь идет об открытом акционерном обществе. А насчет «мелкоты», то магазин, где работает твоя подруга, просто кто-то уже купил. Деньги пока хозяин решил не платить. Почему? Это надо у него спросить. Или уволиться. В суды обращаться по таким пустякам не стоит, все равно подруга твоя ничего не добьется. Возвращаюсь к акциям. Это ценные эмиссионные бумаги, — Сергей заметил растерянность в глазах слушателей. —

Снова вижу вопросы. Эмиссия — это выпуск акций или облигаций, который проходит в соответствии с законом. Если у тебя есть акции солидного предприятия, то ты будешь получать по ним денежки, то есть дивиденды, можешь принимать участие в работе этого предприятия, а если оно ликвидируется, то примешь участие в распределении его имущества.

— А как же люди? — возмутилась Вера, подруга Оли. — Если кто-то купил магазин, то люди-то как?..

— Нужных оставляют, — успокаивающе обратился к Вере Сергей. Затем продолжил уже для всех. — У нас ведь как принято? Полмагазина без дела болтаются, чего уж греха таить, и ни спросить у них ничего нельзя, ни подойти к ним. Теперь, наоборот, будут загружены под завязку. Уже сейчас, заметили, наверное, никто не бежит в магазин устраиваться на работу исключительно ради выгоды, чтобы «достать» чего-нибудь, а не просто на жизнь зарабатывать. Кроме всего, небогатые хозяева уже сами за прилавок встали. Вообще, все движется невероятно быстрыми темпами, поэтому неразбериха страшная.

— Ну и дела, — вздохнула Вера. — Мы завидовали продавцам раньше, все у них было. А теперь, выходит, они такие же, как и мы?

— Еще хуже, Вера, — рассмеялся Сергей. — Можешь радоваться, что ты не продавец!

— Слава тебе, Господи, — согласилась Вера. — А вот скажи еще последнее, Сереженька. Только один вопрос задам. Работаю я на фабрике «Игрушка». У нас создается закрытое акционерное общество. Что же это такое?

— А это когда акции не будут котироваться на бирже. И контрольный пакет акций, то есть их большая часть, принадлежит в таком обществе директору и его заму, например, или директору и главному инженеру — у кого как. Акции будут продаваться только внутри вашего АО. Скорее всего, со временем кто-то из руководства скупит их и станет владельцем ваших «Игрушек».

— А директор-то наш не очень хороший... — опечалилась Вера, подперев щеку рукой.

— Значит, он и купит всю вашу команду, а недовольных уволит! — подытожил Сергей. — Так что на работе тебе лучше помалкивать, не задавать лишних вопросов, не то уволят!

Поднялся смех.

Именинница захлопотала с посудой — нужно было убрать тарелки после закусок. Вера поднялась из-за стола и пошла в кухню помогать. Валентина присоединилась к ним. Под продолжающиеся «дебаты» они унесли использованную посуду и подали горячее. А гостей настолько увлекли разговоры, что, казалось, они лишь по привычке берут с большого блюда мясо и гарниры, приготовленные умелой хозяйкой совершенно особым образом.

— Олечка, не понимаю, что здесь происходит! — Леониду Сергеевичу удалось наконец перебить спорщиков. — Я по глупости завел эти разговоры, и в результате Сережка не успел поесть! Все только и знают, что тормозят его со своими вопросами! Сергей, — повернулся он к племяннику, — не обращай на них внимания. Вон уже и горячее принесли! — дядя укоризненно покачал головой: — И никто не скажет доброго слова о нашей хозяйке! Олюшка, почему ты до сих пор не главный повар в каком-нибудь шикарном ресторане?! Отбою не было бы от посетителей!

Спихватившись, гости принялись было нахваливать Ольгины кулинарные таланты... Но Сергей, быстро покончив с горячим, вдруг опять напомнил о наболевшем:

— Оля, не переживай, скоро тебе представится такая возможность. Выкупишь какой-нибудь малопосещаемый обанкротившийся ресторанчик и превратишь его в образцово-показательный... Если, конечно, родственники соберут тебе денег взаймы. — Он как бы невзначай оглядел притихших гостей, большинство из которых опустили головы или смотрели по сторонам. Сергей удовлетворенно улыбнулся и продолжил: — Вижу, насчет денег я погорячился. Остальных призываю к благоразумию, не так просто в скором времени будет найти работу. Поэтому надо отвыкать кичиться своим образованием или еще чем. Тем более что не успеете оглянуться, как никто уж и не станет интересоваться, какое образование ты получил и где работаешь. Как на Западе. Там главное — можешь семью и себя обеспечить или нет. Может быть, так даже и лучше. Во всяком деле и событии имеются как положительные, так и отрицательные стороны.

— Так что же это, капитализм все-таки надвигается? — вновь встрепенулся разморенный сытным угощением Леонид Сергеевич. — И даже ес-

ли это так, все равно надо быть уверенным, что при нашем уникальном опыте строительства социализма у нас не будет ни безработицы, ни...

— Возможно! — мигомотреагировал Сергей. — Однако учтите, наши новые лидеры считают, что опыт социализма оказался неудачным, вроде как ничего путного из этой затеи так и не вышло!

Все зашумели, каждому хотелось высказать свое. И тут понеслось:

— Как это не вышло!.. Войну выиграли! Фашизм победили!..

— Великую страну построили!..

— В очередях часами стояли!..

— Медицина и учеба были бесплатные!..

— Все по благу доставали!..

— Квартиры получали!..

— А мы так и не получили! Лучше б продавали квартиры! Мы поднатужились бы и купили!..

— А кто старый уже и поднатужиться не может? Так и будет ютиться в коммуналке?..

— Так и будет! Раньше надо было думать, а не ждать милостей от государства! Ведь были же кооперативы!..

— Туда еще попасть надо было! А вы про путевки вспомните. Я так ни разу и не отдохал нигде по профсоюзной путевке, до сих пор дикарями ездим!..

— Ничего, придет время, вообще никуда не сможете поехать! Даже дикарями!

— А нам, например, живется сейчас хорошо! Таких зарплат и премий мы сроду не видали!..

Расстроившаяся именинница пыталась как-нибудь покончить со спорами, но не получалось. Выбрав момент, когда каждый уже успел высказаться, вернее прокричаться, Оля, театрально вскинув руки, обреченно произнесла:

— Вижу, до меня никому нет дела. Может, мне уйти?! А вы тут продолжите?

— Наконец-то, — спихватился Сергей, тоже разгоряченный семейной дискуссией, и громко объявил: — Друзья, предлагаю побыстрее покончить с жалкими остатками горячих и холодных блюд. Впереди у нас еще пироги и конфеты! Те, кто много и долго кричал, должны доесть свои порции в ускоренном порядке. Остальные их обождут, но недолго.

Через минуту-две народ разбрелся по группкам. В основном обменивались новостями из

жизни семей, говорили о детях, кое-кто уже о внуках, предлагали рецепты долголетия и избавления от разных болезней. Валентина и Вера опять помогли Ольге, иные продолжали обсуждать насущные проблемы жизни страны. Неугомонный Леонид Сергеевич подошел к Сергею.

— Скажи-ка, уважаемый племянник, что будет с моими акциями? У нас в городе, например, принимал ваучеры инвестиционный фонд «Гермес-Союз». Обещали внедрить их в оборонный или нефтегазовый комплексы. Дали мне вместо ваучеров акции фонда. Предлагали даже еще акций прикупить. Только денег у меня нет. Неужели обманут? Неужели Аленка права окажется?

— Все может быть, — усмехнулся Сергей и покачал головой. — Слышал про ваш «Гермес». Слишком запутанная система, чтобы разобраться в ней. Все продумано, но не для тебя, дорогой дядя, для этого сейчас и создаются фонды. Поэтому не обольщайся, скорее всего ничего ты с этих товарищей не получишь. С любого фонда, вообще говоря, взятки гладки.

— А ты куда вложил свои ваучеры?

— Жене отдал, — в голосе Сергея послышалась беспечность. — Не знаю, что она с ними сделала. Может, сапоги купила себе, как Аленка. Пошли, дядя, лучше чай пить.

— Подожди, Сережа, — разволновался Леонид Сергеевич и придержал его за локоть, — по-моему, плохое в прошлом. Подумать только — уж 92-й на дворе. Сколько можно перестраиваться да из-за каких-то там советов директоров переживать, пора и за ум братья...

— Твоими устами да мед бы пить, — Сергей невесело улыбнулся. — Все только начинается. Сейчас, как все сами видят, но не все понимают, государственная собственность под разными предложениями и названиями начала стремительно переходить в частные руки. А уж возьмется за ум или нет — время покажет. Да вот еще вопрос — что под умом понимать? Может быть, умение ловко обманывать нас, дураков?

— Вот именно, я-то как раз и вижу, к чему все клонится! — с энтузиазмом подхватил рядом стоявший муж Ольги. — То бишь народное добро прибирают к рукам. То, что создавало после войны старшее поколение, кстати, вы

тоже, Леонид Сергеевич. А помнишь, как ты, Сереженька, поначалу-то радовался перестройке? Помнишь, как партбилеты прилюдно уничтожали! Зачем же в партию вступали? А?

— Лично я ничего не уничтожал, — мирно отозвался Сергей. — А в партию вступал по доброй воле. Да, знал не только об успехах, но и о другом в истории Страны Советов... Но, когда вступал в компартию, хотелось ведь, как говорится, преобразовать общество... Всё казалось по плечу, — со вздохом признался он и добавил: — Подчеркиваю — преобразовать, а не разрушить. Наверное, ошибался. Надо признавать свои поражения...

К спорящим присоединились остальные, снова со всех сторон посыпались реплики. Каждый доказывал свое. Люди к тому времени еще не сумели осмыслить происходящее, не понимали, особенно старшее поколение, что живут в другом мире. Валентине тоже не все было ясно и понятно, прислушиваясь к семейным дебатам, с удовлетворением отметила, что не одна такая — не все так называемые «простые граждане» сумели сориентироваться в начавшейся неразберихе. Растерянные и неуверенные, они ждали сами не зная чего, при том что ушлые политики и газетчики уже успели окрестить недалекое прошлое «застоем». Они умно и незаметно принуждали народ к мысли о том, что прошлое следует заклеить, забыть и дружными рядами войти в новое сообщество, где царствуют свобода и демократия в таком виде, в каком им выгодно это было представить. Старшее поколение подчас впадало в отчаяние — зачем жили, зачем коптили небо, зачем теперь отягощали открывающийся изумленному взору новый мир своим ничемным существованием?

— ...А я знаю от соседки, — никак не могла успокоиться Вера из «Игрушек», — что ее контора прямо-таки процветает! И премиальные сейчас стали получать солидные...

— Ну вот об этом-то я и говорю! — ухватился за спасительные слова Леонид Сергеевич. — Не все так плохо!..

Сергей понимающе покачал головой.

— Не хочу обижать никого, но так ли нужна эта контора, как ты, Вера, ее называешь, государству или даже нашему городу? — не удержался он, высказав мысль, что крутилась в голове. — Думаю, что ее процветание — дело временное.

— Можно подумать, что только без тебя и твоего ведомства никак нельзя прожить, — в голосе симпатичной собеседницы послышались нотки уязвленного самолюбия.

— Не прожить, — невозмутимо отреагировал Сергей. — Мы даже более чем градообразующая отрасль. И такие отрасли, как наша, определяют уровень жизни людей. Но пора кончать спорить и доказывать! Вижу, пора снова сесть за стол. Хозяйка заждалась.

Когда распоряжение было выполнено, Сергей, по-своейски оглядев присутствующих, произнес:

— Предлагаю забыть о спорах. Займемся лучше чаем с тортом. Или снова кричать будем? В этом случае я забираю Олин торт с собой! — шуточно пригрозил он, стараясь сгладить раздоры. — Оля, можно? Мне дома пироги не пекут. Детей хотя бы обрадую!

— Наконец-то! — повеселевшая сестра решила подыграть. — Забирай.

Тут же был предложен тост за сладкое, блюдо с домашним бисквитным тортом в розочках опустело, гости снова нахваливали хозяйку. Под общий шум Ольга тихонько спросила у брата:

— Не обиделся, что я про Ирину спросила при Валюше? — Сергей промолчал, и, выдержав паузу, оправдываясь, сестра продолжила: — Валя уже давно для меня своя, просто ты редко заходить стал. Она хорошая, отзывчивая, при ней можно обо всем говорить. Так что там Ирина твоя, чем опять заболела? А то все о политике да о политике разговоры ведем, как будто на производственное совещание собрались!

Сергей не ответил, он с интересом взглянул на Валентину, занятую вместо уставшей Ольги гостями.

— Вообще-то, я вижу Валю и в самом деле впервые, но ладно уж... — Он слегка пожал руку сестры. — В общем, Ирина говорит, что сейчас много возможностей открывается для людей энергичных и я должен этими доселе неведомыми никому возможностями непременно воспользоваться. Она даже знает, как, куда и к кому надо обратиться.

— А ты что? — шепнула сестра.

— А я ничего. Не «энергичный». А пока, — Сергей аккуратно развернул очередной фантик, — зарплату уже урезали... В общем, не оп-

равдываю надежд как глава семьи. — Он невесело улыбнулся и добавил: — Никак не пойму, каким это образом девочки-тихони превращаются со временем в требовательных жен?! Да еще в такое время...

Они замолчали. Ольга принялась оглядывать стол — у всех ли в чашках чай или кофе, все ли распробовали ее новый бисквит... Вроде все в порядке, уж тут Валентина постаралась. Сергей тоже остановил взгляд на Ольгиной подруге, раз уж заговорили о ней с сестрой. Он удивился, что заметил ее не сразу, как пришел. Впрочем, чему удивляться? Опоздал, да еще ссора с Ириной... Он нашел, что Валентину вполне можно назвать красивой девушкой. «Мало у кого увидишь такой безупречный профиль, — рассеянно подумал он. — Интересно, каков анфас?» От нечего делать все-таки припомнил, что поначалу обратил внимание на густые каштановые волосы Валентины, опускавшиеся ниже плеч. Отметил ее прическу, наверное потому, что женщины-родственницы, собравшиеся на Ольгин день рождения, обычно просто приводили себя в порядок, особо не заботясь ни о туалетах, ни о прическах. Хозяйничая за столом, Валентина забрала волосы высоко на затылке, соорудив привычный «хвост». Он решил подождать подходящего момента и как бы невзначай рассмотреть незнакомку поближе, благо спорщики нашли другие темы. Долго ждать не пришлось. Валентина, убедившись, что за столом полный порядок, устроилась со своей чашкой рядом с Ольгой.

— А я думаю, — продолжила она прерванный разговор брата и сестры, — что жена должна сочувствовать мужу и поддерживать его в любые времена! Извините, что вмешалась.

— Вы серьезно? — Сергей снисходительно улыбнулся. — Наверное, вы еще не замужем. В семье не так все просто.

— Не замужем, — Валентина не скрывала досады. — Не всем везет, как вашей Ирине. К тому же есть немало и неженатых мужчин. Но им почему-то на это никто не указывает.

— Простите, я не подумал, — Сергей смутился и, спасая ситуацию, по-актерски мечтательно уставившись в потолок, произнес: — Вот если бы я был помоложе, да еще и не женат, то непременно подружкой жизни избрал бы вас хотя бы за ваши синие глаза!

— Я, пожалуй, не отказалась бы, — Валентина, включившись в игру, церемонно кивнула, сама удивляясь собственной смелости.

Этот разговор не остался незамеченным, хотя переговаривались они шутя и вполголоса. Народ стал переглядываться, перешептываться, и уж не надо было призывать забыть о политике. Стали вспоминать разные случаи, когда неудачные браки благодаря счастливым обстоятельствам сменялись сердечной привязанностью и новой настоящей любовью. Эту тему, по мнению женщин, прекрасно освещали мексиканские и бразильские сериалы, которые с недавних пор стали показывать по телевизору. Изаура, Марианна, Мария... Сколько чудесных имен, драматических судеб, недостижимо красивых девушек и женщин в изумительных нарядах и любящих их горячих мужчин можно было теперь увидеть не только по субботам, но и каждый день! Ясно, в жизни так не бывает, но почему бы не помечтать о прекрасном принце? Главное, все оканчивалось победой любви и справедливости, в общем, такого еще не видели! Конечно, колхозницы, женщины в заводских цехах, активные общественницы — этих показывали часто, в фильмах «для народа». Таких героинь уважали и любили. Но все же... жизнь, о которой можно только мечтать, тоже неплохо было бы отразить на экране. Правда, существовало индийское кино. Однако неприличные, хоть и красивые песни и танцы на фоне повседневной жизни как-то уж совсем не соответствовали действительности. То ли сказку, то ли бль показывали на экране — понять было трудно. У нас-то, конечно, существовало хорошее, серьезное «переживательное» кино, и прекрасные комедии тоже, но вот такой утонченной рабыни, как Изаура, явно не доставало! Сколько разговоров возникало и на работе, и дома по телефону после очередной серии! Сколько звучных имен появилось в быту, даже новорожденных девочек стали называть Марианнами! А захватывающие сюжеты? Кто кого полюбил или наоборот — разлюбил, с кем муж изменил жене, какая мебель в их доме и какие наряды на женщинах... Масса эмоций для неискушенных зрительниц! Мужчины старались добавить ложку дегтя в бочки впечатлений своими критическими замечаниями и даже нас-

мешками. Тем не менее и они тоже нередко оказывались у телеэкранов во время сериалов, понятное дело, «случайно», однако именно в те моменты, когда очередная заморская фея принималась очаровывать своего избранника. Опытные жены знали цену таким «случайностям», поэтому старались в эти минуты давать мужьям какие-нибудь мелкие поручения, чтобы те «поменьше пялились» на разряженных смуглых красоток.

— ...А знаете, — я прямо ошалел, как понял, что с людьми нашими творится после этих сериалов. — Валентина посмотрела на заговорившего коренастого мужчину, по виду рабочего человека. — Поехал как-то после трудовой недели в пятницу на дачу. А у поворота к нашему кооперативу спокон веку работает магазин. Сельпо, как их называют. Всегда там хорошее разливное пиво покупаю. И не я один. Вечером да еще в пятницу — самая торговля, лучшее время пивком освежиться, а продавцам план перевыполнить. В тот раз смотрю и глазам не верю. Сельпо на замке, трезвые мужики сидят на крыльчке у магазина, курят и не матерятся. А на дворе-то уж вечерет. Душа, как говорится, горит. Должны бы магазин разнести. А тут — смирно так на крыльчке расселись. Я вышел из машины, спрашиваю, в чем, мол, дело, мужики. А они говорят: вот, ждем, сидим, и ты не ерпенься, как серия закончится, так Машка и подойдет. Машка — это продавщица. Что делать? Стал и я поджидать ее.

— Ну, дождались? — выкрикнул кто-то с дальнего угла стола.

— А как же! — довольно улыбнулся рассказчик. — Идет она, значит, так неторопливо, спокойно, видать переваривает, что увидала по телеку. В другое время неслась бы как угорелая, чтоб не пришиб какой-нибудь нетерпеливый покупатель, а здесь — никто не выступает. С понятием у нас народ! Вошли в сельпо, встали в очередь, долго стоять пришлось, народу накопилось, бабы наши, дачницы, разнервничались. Думаете из-за очереди? Совсем нет, только и слышно было: «Зачем тебя послушалась, зачем из-за пива твоего раньше выехали! Лучше бы дома серию досмотрела. Все равно Машки не было, и я теперь не знаю, что там с Изаурой

случилось!» Вот и моя теперь туда же. Едем на дачу поздно, после Изауры. Только купишь пива, а тут тебе: «Уже поздно, спать пора, завтра выпьешь!» В общем, пересматривать надо час выезда. С середины недели лучше готовиться, чтоб в пятницу с работы — и сразу в машину, тогда в сельпо можно успеть до сериала.

* * *

Сергей прилюдно, не стесняясь гостей и растерянной сестры, напросился Валентине в провожатые. Под заинтересованными взглядами они попрощались и вышли в надвигающуюся раннюю осеннюю ночь. Стояли последние еще по-летнему теплые деньки. Слегка поблекшие цветы на городских клумбах источали грустный терпкий аромат осени, на еще зеленеющих березах уже повисли длинные желтые сережки. Шли медленно. Сергей спросил, отчего раньше не встречал Валентину у сестры.

— Я в городе живу не так давно. На квартире, — пояснила она. — В нашем райцентре, где я родилась и ходила в школу, вузов нет. Поэтому и приехала поступать сюда. Мама не сопротивлялась, одна меня растила. Все говорила, что надо учиться дальше, чтобы «твердо стоять на ногах». А я думала, как получу диплом, сразу домой уеду. Но что-то задержалась... Работа появилась хорошая.

— Какая, если не секрет?

Валентине показалось, что голос Сергея прозвучал глухо, будто издали.

— В строительной отрасли, в проектной институте, — вздохнув, Валентина продолжила: — Признаюсь, мы обе мечтали, чтобы я архитектором стала, но вот вышло так, что работаю в сметном отделе...

— Почему же все-таки не архитектор? — Сергей взглянул Валентине в глаза. — Или считать интереснее? Извините за бестактность, не знаю, как правильно сказать... Обсчитывать стоимость объектов?

— Можно и так, — пожала плечами Валентина. — Однако я сразу поняла, что вы к сметчикам относитесь с иронией. Многие так... Вот архитектор — это да! И действительно, он — ав-

тор идеи. Я, кстати, архитектурное отделение и окончила. Хороших мест для женщины в тот момент не было — ребят брали, а нас нет. Раз так, подумала я тогда, пойду прорабом на стройку, всем и себе докажу, что и с мужской работой справлюсь. Всякого слышалась и посмотрелась, зато вникла на практике в полный процесс строительства, от рытья котлована до сдачи объекта в строй. Но поняла все-таки, что прораб — работа скорее мужская. Решила уволиться и домой уехать. А тут появилось место в проектной институте. Правда, вакансии архитектора не было, а в сметный отдел можно было устроиться. Вот и пошла, потом втянулась и теперь понимаю, что без нас, сметчиков, тоже никак не обойтись. — Валентина испытующе взглянула на Сергея и продолжила, будто опасаясь, что не убедила: — Кроме всего, мне моя работа стала интересна. Научилась в каждой цифре видеть строящийся дом, или объект, как у нас принято говорить, видеть работу архитектора, геодезиста, рабочего. И все надо обсчитать, не ошибиться, не допустить случайной описки. Что значит для нас по невнимательности поставить лишнюю единицу или упустить ноль? Это же выливается в тысячи рублей! И хорошо еще, когда только в тысячи и только на бумаге!

— Ладно, все понял, — Сергей примирительно поднял руки вверх. — Во всяком случае, теперь буду с особым уважением относиться к сметчикам...

— Опять иронизируете. И зря! — Валентина явно радовалась, что сумела осадить Сергея. — И вот еще что хотела я сказать. Сейчас все боятся потерять работу, но ко мне это не относится. Моя специальность всегда будет востребована, всегда будут что-то строить. Однако на всякий случай я еще заочно окончила курсы бухгалтеров. Пригодился первый неудачный опыт устройства на работу. И опять же — при любых обстоятельствах и при любой власти люди всегда будут считать деньги или подсчитывать затраты на что угодно. Хоть при социализме, хоть и при капитализме!

Она победоносно взглянула на нового знакомого и улыбнулась краешком губ.

— Надо же, молодая и такая предусмотрительная! — восхитился Сергей, удивляясь сам

себе: ведь только что познакомились, а как легко с ней!

— Жизнь заставила быть предусмотрительной, — продолжала Валентина, кутаясь в плащ. — Еще с детства. Отец военный был, погиб в Афганистане, в первые годы конфликта. Я тогда девчонкой была, подростком. Так и остались мы в райцентре нашем, куда отец по назначению попал, говорил — ненадолго. А получилось совсем по-другому. — Валентина вздохнула. — Отец заботливый был, жили неплохо. А потом пришлось маме зарабатывать на приличное существование одной. Чем только не занималась она, вплоть до мытья полов в магазине, где продавцом работала, лишь бы я училась. И ведь не разрешала мне подрабатывать. Сколько раз порывалась я те же полы мыть! Но она боялась, что я ради мелкого заработка что-то в учебе упущу.

— А сама мама где-то училась? — спрашивал Сергей. Ему хотелось знать об этой молодой женщине как можно больше, будто знал, что знакомство этой встречей не ограничится.

— Она окончила торговое училище. При отце работала в промтоварном магазине. Там показаться в новом платье полагалось почаще, и за маникюром-педикюром следить... — Валентина улыбнулась от воспоминаний. — Потом пошла в продовольственный...

— А что, есть разница?

— Еще какая! — Она удивленно взглянула на Сергея. — Это же продукты! Они каждый день нужны. А платье можно и не менять часто, на продуктах работают в белых халатах, все равно не видно, как одета. Зато в таком магазине всегда есть какие-то уценки, хотя сама работа не из легких. Приходится продавцам и тяжелые ящики таскать, но женщины держатся за неё. Они ведь раньше других могут что-то купить подешевле, по уцененке, выбрать что-то получше. Что ж тут скрывать.

— Да-а, — протянул Сергей, намеренно замедляя шаг, — маме вашей можно посочувствовать. Не скучаете по дому? Никогда вернуться не хотелось?

— Хотелось, — ответила Валентина, ступая медленнее, как будто молча соглашаясь на предложение продлить путь до ее дома. — Но, во-первых, у нас нет и быть не может проек-

ного института, а работу свою я люблю. Ну... И были другие причины...

— Что-то еще мешало? — допытывался Сергей, мысленно пытаясь угадать, что могло спрятаться за её словами.

После короткого молчания Валентина произнесла:

— Мешало... — Из темноты сентябрьской ночи они вынырнули в свет одинокого фонаря возле блочной пятиэтажки. — Вот мы и пришли. — Она остановилась у подъезда. — Не хотелось бы продолжать тему.

Сергей долгим испытующим взглядом задержал ее. Она несколько смутилась.

— Ну, ладно, раз уж начали... — Валентина помедлила. — В общем, школьная любовь не задалась. Смешно теперь вспоминать, но знаете, как все в юности воспринимается. А сейчас мечтаю об отдельной квартире. Пока вот снимаю комнату... Подружились с хозяйкой, все нормально. Но очереди ликвидировали... Вы же знаете, работая в строительной сфере, всегда можно было надеяться на получение жилья. Так было раньше. Теперь придется покупать. — Она грустно рассмеялась и попыталась отшутиться: — Вот как стану богатой, так и куплю себе большую-пребольшую квартиру, тогда и маму к себе заберу.

Сергей в теплом свете фонаря засмотрелся на ее нежное лицо.

— Думаете, она согласилась бы?

Валентина опустила глаза:

— Вот здесь не уверена. Ладно, время покажет. Пока все у меня хорошо и мама в добрый час здорова.

— Ну и славно. — Сергей дурашливо прижал руку к сердцу. — Умоляю, не забывайте меня. Я найду вас через Олю. Прямо с завтрашнего дня и начну поиски.

С того незабываемого вечера прошел всего какой-то месяц с небольшим. Но Валентине казалось, что нечто ошеломляющее, неистпанное ранее накрыло ее горячей волной. Она чувствовала, что оба они оказались на самой высокой точке бушующего водоворота, который поглотил их, а потом выбросил на просторы неизведанных впечатлений, тревог и даже страданий. Валентина не узнавала себя. Отче-

го это постоянное беспокойство и боязнь не увидеть его каждый вечер? Может быть, потому, что болезненно-томительное ожидание встреч сулило не только блаженную близость, но и разлуку на целый следующий день?

Ольга сразу заметила разительные перемены как в Сергее, так и в Валентине. Она и радовалась за брата, и переживала за него, наблюдая бурный роман и размышляя о его последствиях. Из ее рассказов Валентина хорошо представляла себе Сергея в дни его молодости, до встречи с нею.

Был он, как выражалась Ольга, парнем видным, и девушки вниманием не обходили. Однако в ряду «накачанных» красавцев или известных спортсменов не числился. Но с юности уважал разного рода спортивные развлечения вроде лыж и плавания, однако более всего привлекали Сергея походы. В детстве — с родителями в лес или на речку с палаткой, а позже — с друзьями в горы или на крутые берега далеких больших рек. Однажды отправились в Монголию. Путь из Центральной России до пустыни Гоби оказался нелегким. Но друзья не отступали. Исколесив Монголию, добрались до родных просторов, после чего обнаружили, что все деньги истрачены. На обратный путь зарабатывали на железнодорожных станциях грузчиками, а где удавалось, передвигались автостопом. Домой вернулись гордые, исхудавшие, почерневшие от загара как в пустыне, так и на разгрузочно-погрузочных работах. Но после столь опасного путешествия живы все же остались. Благодаря своим увлечениям Сергей, имея средний рост, казался выше, всегда смотрелся подтянутым, уверенным в себе, на здоровье не жаловался. Нравились девушкам его небольшие, но выразительные серые глаза с хитринкой, а крупноватый нос не портил впечатления от общительного молодого мужчины, в запасе которого имелось неисчислимое множество походных баек и рассказов. Но как таким людям жить без музыки? Не той, которую слушают в больших филармонических залах, а той, что близка сердцу каждого? Еще в юности Сергей самостоятельно освоил гитару. Приятный голос дополнял неоспоримую привлекательность Сергея, мимо которой девушки просто так пройти не могли. Не без

того, что и он увлекался, но остывал быстро. Может быть, и потому, что некоторые из поклонниц, по словам Ольги, отличались удивительной навязчивостью, и Сергей предпочитал такие связи обрывать. Порою даже утомляло чрезмерное внимание относительно постоянной его подруги Ирины, скромной, симпатичной, покладистой. Она то появлялась, то исчезала с горизонта, однако именно Ирина стала его женой, а он, похоже, так и не испытал глубоких чувств ни к ней, ни к какой-либо другой женщине. Женился так, как женятся многие. Ирина объявила о своей беременности, к тому же Сергей оказался для нее первым мужчиной. Подкупали ее внимательность и забота о нем, а перспектива стать отцом даже радовала.

— Он привык к ее всепрощению, — делилась с Валентиной семейными секретами Ольга. — А еще мне муж рассказывал, что Сережа как-то разоткровенничался с ним и рассказал, что в то время особо и не настаивал на близости с Ирккой. Скорее инициатором в этом деле оказалась она.

Вале стало неловко, будто подглядывает в замочную скважину:

— Выходит, Сергей доверял твоему мужу, а тот все тебе докладывал?

— Да нет, — спохватилась Ольга, — просто я по разным отрывочным репликам догадывалась кое о чем... Но так уж у них с Ирккой случилось, чего, когда любишь, не бывает, я имею в виду Ирину. — Подруга многозначительно подняла бровь. — И как ни крути, доверилась она ему. Ну и не была ж она ему совсем-то безразлична. А когда сказала, что ждет ребенка, он, помню, сильно обрадовался. Детей-то он любит. Ко времени свадьбы и армию отслужил, и вуз заканчивал, подрабатывал по вечерам, в общем, чувствовал себя самостоятельным. Вроде как и отцом пришло время стать. Родня наша довольна была его выбором. Ирина такая скромница была, вежливая, внимательная... — Ольга мечтательно протянула: — Ты ведь знаешь, как поё-ёт! Голос неплохой...

— Знаю, — Валентина расцвела улыбкой. Обогрело совсем недавнее воспоминание, как Сергей пел для неё. Сначала романсы, потом была «Любовь и разлука».

Тогда она спросила у Сергея:

— Отчего же эти подруги «не ходят одна без другой»? Печально как-то...

— Печально, но правда, — серьезно ответил Сергей. — Даже если любовь «на всю жизнь», как мечтают девушки, в конце пути все равно остается кто-то один. В народе такие песни очень даже уважают. Когда-то мама любила напевать о «встречах, расставаниях». Слов, конечно, не вспомню. Помню только, что песня не очень грустная, хотя и не очень веселая. И мне нравилась. Так и хотелось «за жизнь» поговорить с мамой...

— Поговорили?

— Нет, конечно. Не успели, как всегда.

Валентина задумчиво молчала.

— А я ведь тоже что-то припоминаю о «встречах-расставаниях», — как будто с радостью сказала наконец. — Вспомнила. Когда бабушка еще нестарой была, тоже напевала эти строки, а я удивлялась, зачем такую песню поет? Но когда подросла, песня эта мне полюбилась, даже и текст знала, но потом уже пели другие песни, слова эти забылись.

Сергей обнял Валентину за плечи и привлек к себе:

— Собственно, и так все понятно. Даже по двум словам. Они обозначают важное в жизни — где любовь, там и разлука, где встречи, там и расставания. Но нам пока что такое не грозит!..

В другой раз, когда Валентина была у подруги, Ольга рассказала про свадьбу брата. Все было довольно скромно — у избранницы к тому времени слишком округлились формы, а потом один за другим появились на свет оба их сына. Пока росли, в суете буден как-то никто из супругов и не замечал, что люди-то они совсем разные. А затем потянулись дни, месяцы и годы, когда Сергею с работы домой идти не хотелось. Оттого и заходил к сестре или шел на встречу с друзьями в какое-нибудь дешевое кафе. Порой спрашивал Ольгу и приятелей об их семейной жизни, будто чувствовал, что у них с Ириной что-то не так, неправильно... Хотя жили в целом безбедно — зарплата Сергея позволяла, в необходимом себе не отказывали. Он не контролировал денежные расходы Ирины, по хозяйству помогал как мог.

Все остальное Ольга, стараясь примирить брата с женой, называла «домашними мелочами»:

— Ну не всегда все получается ровно и гладко, — увещевала она Сергея. — Все люди живые, всякие неровности бывают в отношениях.

— Неровности, — усмехнулся он тогда. — И слово-то нужное ты, Оля, всегда найдешь, как дипломат. А вот скажи, тебе интересно, чем твой благоверный занимается на работе?

— Не очень, — призналась Ольга. — Но спрашиваю его и выслушиваю. Иногда.

— Вот! Хотя бы иногда! — Сергей даже вскочил со стула. — Я тоже иногда у Ирки интересуюсь, что да как у нее на работе. Она у меня — никогда.

— Сережа, — долго не раздумывая, ответила Ольга, — ты ищешь повода для ссоры. Ну, не интересуется, и что? У вас двое детей, неужели нечем заняться? И вообще, каждая семья — отдельная история, и не стоит примерять ее опыт на себя.

— ...А сама-то я в душе понимаю Сережину неустроенность, — уже в другой раз субботним утром, когда Валентина забежала к подруге на минутку, продолжала Ольга, раскатывая тесто на пирог. — Мужик ведь он. Не со всяким поделится переживаниями. Держит марку, не к лицу, мол, мужу на жену жаловаться. Только выспрашивает всё, видно, сравнивает... А потом нет-нет да обронит: скажи мне, Оля, отчего Ирина всегда хмурая, почему всем недовольна? Мне-то откуда знать? В общем, бог весть что у них там... — вздохнула Ольга, смахнув со стола остатки муки. — Одно ясно: хорошего мало. Все-таки жениться надо по любви. Но не могу же я ему сказать об этом.

Она принялась готовить начинку для будущих пирожков.

— Валя, — Ольга обернулась, внимательно посмотрела на подругу, — я, конечно, желаю вам обоим счастья. Похоже, все к тому идет... Но вот как тебе и сказать-то?.. Ты верующая?

— Не знаю, — Валентина как будто сжалась от растерянности. — Хожу в храм по праздникам. В общем, крещеная...

— А причащалась хоть раз? — допытывалась Ольга.

– Давно это было... С мамой, – Валентина опустила взгляд.

– Ну вот, – Ольга облегченно вздохнула. – Сходи-ка ты к хорошему батюшке да посоветуйся, как вам дальше быть.

– Ты это серьезно? – Валентина удивилась. – Представляю, что мне скажет твой «хороший» батюшка... – усмехнулась она с горечью, но, помедлив, добавила: – Я подумаю... А ты, Оля, как считаешь? Что нам с Сережей делать?

– Ой, не знаю, – покачала головой Ольга. – Вы уж решайте сами. И рада за вас, и чего-то боюсь. Все-таки давно уж они с Иркочкой этой живут. Но вот племянники мои... Семья. Сама знаешь...

Раскрасневшаяся Валентина поднялась. Ольга поняла, что она собирается уходить:

– Подожди, останься, скоро пироги горячие будут, Сережке позвоню...

– Спасибо. Пойду я, – выдавила Валентина, улыбаясь через силу. – Я и сама напеку – научилась у тебя!

Ольга спешно обняла подругу, и та заторопилась к входной двери. Валентина вышла на улицу навстречу невесть откуда взявшемуся ветру. Он нагнал скучные серые облака, подморозил небольшие лужицы и накрыл угасающие лучи солнца. Да, осень... И до зимы недалеко. Покров был... Может быть, именно в такие дни надо хорошо подумать и заставить себя наконец прийти в церковь.

К субботнему вечеру ненадолго заскочил Сергей. Торопился по делам, надо было поговорить с тренером младшего сына. Сергей сомневался, нужен ли ребенку именно бокс, которым хотел заниматься мальчик. Отец считал, что гораздо полезнее лыжи или коньки, потому что это не только спорт, но и закалка на улице, в любую погоду. Валентина отрешенно кивала головой, вроде как соглашаясь, а на душе у нее стало тягостно. В самом деле, куда деться Сергею от детей, от семьи? В воскресный день он тоже не заглянул к ней. Жена скомандовала остаться дома: дескать, накопилось много домашней работы, которую по вечерам выполнять с недавних пор не получается, так как муж где-то пропадает. Наблюдая за Сергеем, управлявшимся с пылесосом, Ирина многозначительным тоном сообщила, что

воскресным днем следует не только заниматься хозяйством, но и культурно отдыхать, потому она уже купила билеты на концерт.

– Какой? – вяло поинтересовался Сергей, выключив пылесос.

– Приехали московские юмористы! – с энтузиазмом начала Ирина. – Говорят, и у нас тоже скоро будут организованы юмористические шоу, как на Западе. Представляешь?!..

Сергей не дал ей договорить:

– Представляю. Ира, ты сколько лет прожила со мной? – Жена обескураженно смотрела на него. – Ну неужели за все эти годы ты так и не поняла, что я ни за какие деньги не буду смотреть эти шоу!

Видно было, что жена буквально закипала от негодования:

– Ах, вот как!.. Или прикажешь всем слушать твои бардовские песни?!

– Пусть каждый слушает то, что ему нравится, – холодно ответил Сергей. – Хочешь шоу – так иди. Но без меня. Я дома останусь, приготовлю к ужину что скажешь.

– И пойду! – сорвалась Ирина. – Пойду!.. А ты готовь ужин и смотри свои стрелялки! Помнишь, театр столичный приезжал? «Травиату» давали. Так ты тоже не пошел!

– Не хочу смотреть на Виолетту вашу в шортах и майке, – усмехнулся Сергей, убирая пылесос в кладовку, – мои стрелялки лучше!

– Оперу не смотрят, а слушают! – парировала Ирина.

– Вот поэтому я и послушаю хорошую запись дома.

Семейный скандал завершился. Выходной был испорчен.

В понедельник Сергей позвонил Валентине и предупредил, что всю неделю им встретиться не удастся. В семье возникли серьезные разногласия, а раз так, то настало время принятия важных решений.

– Это все из-за юмористов? – удивилась Валентина, узнав о подробностях ссоры с женой.

– Это повод, – рассудительно пояснил он. – Может быть, и к лучшему. Когда-то надо нам с Ириной разобраться в семейных отношениях... Их давно следует называть совместным проживанием в общей квартире.

Валентина решила, что и ей пора как-то обдумать создавшуюся ситуацию, стряхнуть хотя бы на время тот чувственный угар, который буквально парализовал все ее мысли и желания. Да, она продолжала прилежно выполнять свои обязанности на работе, следила за собой, может быть, даже более щепетильно, чем раньше, общалась с Ольгой, знакомыми. Но все это было покрыто плотным туманом второстепенного, неважного в жизни. Все, кроме долгожданных встреч, происходило как бы за толстым запотевшим стеклом, и только силуэт Сергея, ежевечерне возникающего в проеме входной двери ее съемной комнаты, был единственно ярким, четко очерчен и прекрасен.

Приняв решение, Валентина в понедельник после работы зашла в ближайшую церковь, чтобы разузнать, когда можно поговорить с «хорошим» батюшкой. В храме было тихо, немногочисленно, шла вечерняя служба. Валентина нерешительно остановилась у двери. «Пожалуй, надо подождать конца», — подумала она. Стояла, пытаясь отрешиться от земных проблем и мысленно погрузиться в службу. Получалось неважно, потому что церковнославянский язык был непонятен, если не считать некоторых отдельных слов, известных Валентине еще с тех пор, когда в церковь ее водила бабушка. Когда служба окончилась, улыбчивая пожилая женщина в темном платье, видимо из тех, кто работает в храме, сделал ей ряд замечаний («голову не покрыла!», «по сторонам смотришь!»), объяснила Валентине, что и как надо сделать, чтобы поговорить с батюшкой. Валентина попыталась перечить, предложив вывесить на входной двери правила поведения в храме, но женщина жестко оборвала ее. Как объяснили Валентине, для начала необходимо было подготовиться к исповеди и уже на ней поделиться с батюшкой своими сомнениями, если они имеются. Валентина купила тоненькую книжечку, в которой как раз и описывалась подготовка к предстоящему таинству. Получалось, что все гораздо сложнее, чем она представляла себе.

— Готовься, — приободрила ее на следующий день Ольга, — или ты решила, что, осчастливив храм своим присутствием, с ходу войдешь в него, как святая?

— Почему ты сразу не сказала, что мне предстоит исповедоваться? — обиженно спросила Валентина.

— Не хочешь, так и не ходи, — спокойно ответила Ольга. — Я думала, тебе легче станет. Может, беседа с батюшкой подскажет вам с Сергеем решение....

— Мы что — кролики подопытные, что ли? — Валентина вспыхнула, ей захотелось побыстрее уйти домой. — Сами разберемся, не маленькие. Обойдемся без анализов!

— Да подожди ты! — Ольга мягко обняла ее, пытаясь остановить. — Я ведь как лучше хочу, давай спокойно поговорим...

Валентина высвободилась из объятий:

— Некогда мне, готовиться надо к исповеди. Уж и не знаю, к какому батюшке попаду... Но раз решила, значит, сделаю...

— Так, значит, решила? Что же не предупредила? Я бы подсказала тебе, к кому идти и в какую церковь, — даже расстроилась Ольга.

— Ладно, что уж теперь, — Валентина была явно расстроена. — Может, так будет лучше. Пойду как все... — она ободряюще кивнула подруге на прощание и отправилась домой.

До субботы Валентина готовилась к ответственному событию. Волновалась, как перед экзаменом, но старалась выполнить все, что требовалось. К назначенному времени шла на исповедь словно в тумане. Дальше помнила только строгий светлый взгляд батюшки. Она что-то долго рассказывала, сами собой на глаза наворачивались слезы. Не помнила, как дошла до дома. В памяти осталось главное... Батюшка не допустил к причастию, сказал, что нужно расстаться с семейным мужчиной, встречи эти — грех.

Дома проплакала до обеда, сердилась и на себя, и на строгие церковные устои. В то же время всем сердцем понимала: говорил-то батюшка правду, но при этом чувствовала какой-то барьер между ним и собой, будто они были разделены стеклянной стеной. По словам священника, ей предстояла трудная работа, необходимо было изменить свою жизнь, подумать над ошибками и почаще заходить в храм. Все правильно, но в глубине души Валентина надеялась еще и на какое-то сочув-

ствии, на человеческое тепло. Этого не случилось. И могло ли быть?

Хозяйка квартиры, которой Валентина доверяла, сразу заметила: что-то не так. Ласковым материнским жестом задержала Валентину за локоть. «Ты хорошая, — сказала женщина, — и все у вас сложится, вот увидишь. Перестань слезы лить. Подожди, что теперь твой скажет...»

Сергей позвонил только к вечеру. «Завтра к обеду приду, — коротко предупредил он. — Возможно, останусь до утра. Из дома говорить не могу. До встречи». Все горести Валентины как ветром сдуло. Высохли слезы, улетучились дурные мысли, и она принялась готовиться к воскресному обеду. Подспудно чувствовала: между ними должно произойти важное объяснение, какой-то очень серьезный разговор. Иначе и быть не могло, почти неделю не виделись!

— Я свободен! — с порога заявил Сергей. Он быстро сбросил верхнюю одежду. — Знаешь, похолодало сегодня, но я взмок, почти бегом к тебе бежал! Вижу, не зря. Запахи у тебя обалденные!

Сергей выставил на стол хорошее вино.

— Это по какому случаю? — Валентина радостно суежилась, расставляя посуду.

— Я же сказал — свободен! Остались формальности. О главном мы с Ириной договорились. Признаюсь, с трудом. Вот, в знак начала нашей совместной жизни пока что приобрел фужеры. У тебя их нет, а нам теперь понадобятся, больше не будем прятаться от людей, начнем у себя друзей принимать, если твоя хозяйка позволит. Но это ненадолго. Не будем же вечно тут ютиться. Рассказывай, чем без меня занималась!

От волнения Валентина почти не притрагивалась к еде, но это не мешало ей с удовольствием наблюдать, как Сергей с аппетитом поглощает приготовленный обед. Он осунулся за неделю, даже выглядел старше.

— Ну и выдумщица ты! — рассмеялся он, услышав историю с посещением церкви. — Чувствую, Ольга надоумила. Не получилось у тебя с первого раза, но ничего, все поправимо. Вся жизнь впереди. Вот оформим законный брак, тогда и поговоришь по душам с кем надо.

— Как — так быстро? — Валентина чуть не выронила из рук собранную после обеда посуду. — Боже мой, так и пирог не донесу, наверное, готов уже. Ладно, подождет пирог. Надо передохнуть перед чаем. Теперь ты рассказывай...

Объяснение с Ириной было мучительно трудным. Да, она подозревала и даже выследила как-то Сергея, что, впрочем, он ей простил. Теперь понимал, что значит любить, ревновать и надеяться. Но на что надеялась Ирина? Она уговаривала его, твердила, что не первый он и не последний, кто временно увлекся молодой женщиной, не обремененной семьей, ухоженной, привлекательной, но «потом все проходит и становится на свои места». «Пойми, не интрижка у нас! Это вообще не про меня, и совсем не то, что «проходит»», — пытался возразить Сергей. Но безуспешно. Покончить утомительные переговоры мирным путем не получалось. В конце концов, Сергей объявил, что разрыв неизбежен и если Ирина не даст согласие сразу, то спустя отведенное правосудием время официальный развод так или иначе состоится. Тогда на помощь призваны были сыновья. Это оказалось самым тяжелым испытанием для Сергея. Оба, естественно, были на стороне матери. Младший не то чтобы сочувствовал Сергею, но видно было, не отвергал отца и не собирался порывать с ним отношения, старший же заявил, что отныне они чужие люди.

Услышав об этом, Валентина расстроилась.

— Может быть, оставим все как есть?

— Ты сама как-то сказала, что регистрация брака есть знак уважения мужчины к женщине, — уверенно ответил Сергей. — И потом, нам с Ириной все же удалось прийти к единому решению.

— Несмотря на сыновей?

Сергей, стараясь сдерживать эмоции, признался:

— Льшу себя надеждой, что когда-нибудь мой первенец изменится. Понимаешь, он у нас прямой человек. Честный, преданный, но возраст такой — никаких компромиссов: либо черное, либо белое. Я много думал об этом с тех пор, как встретил тебя. Понимаю, что тяжело ему. Отец уходит из семьи. Но как же моя жизнь? Я тоже хочу любить, я встретил нако-

нец ту, о которой и мечтать уже перестал... В общем, главное решено...

Валентина задумчиво молчала.

— Почему ты не спрашиваешь об остальном?

— О чём — остальном? — спохватилась она. — Хорошо. Спрашиваю.

— Ирина дала согласие не тянуть с разводом при условии, что я забираю только свои вещи и все. Я вообще-то так и хотел... Если оставляю жену с детьми, то как можно еще и квартиру делить? — Сергей испытующе заглянул в глаза Валентине, пытаясь угадать ее реакцию. — Если б, конечно, было у нас нечто особенное, а не трехкомнатная «распашонка», тогда еще куда ни шло. Только не знаю, как ты на это смотришь?

Расстроенная и вместе с тем окрыленная Валентина с нежностью смотрела на Сергея:

— Ну неужели ты думаешь, что я буду претендовать на жилплощадь твоей семьи? Они и так остаются без тебя...

Сергей облегченно вздохнул:

— Я так и думал. Не будем откладывать. Сегодня же вечером уложу чемодан и приду к тебе. Завтра начну бракоразводный процесс, — заметив растерянный взгляд Валентины, добавил: — Не принимай близко к сердцу. Оля в курсе. Ирину есть кому поддержать.

* * *

К началу зимы Сергей с Ириной покончили с формальностями, и Валентина вздохнула с облегчением. Они настолько были поглощены собою, что порой казалось странным — как могли жить друг без друга? И что сейчас было бы, если б он решил остаться в семье? Об этом даже подумать было невозможно. Иногда на ум все-таки приходили мысли: как так случилось — женатый человек, да еще отец семейства, стал ее избранником! «Ну, вот и случилось», — уговаривала она сама себя. Не у всех жизнь складывается одинаково, не всегда с первого раза получается «ровно», как Оля говорила.

Сергей словно сбросил неподъемный груз прежнего безрадостного существования. Особенно тяготили последние годы, когда вырос-

ли сыновья. Другое дело жизнь с Валей, Валюшей, легкой и светлой, как вечная весна. Только такой представлял в молодости Сергей свою будущую жену. Теперь он, уже умудренный жизненным опытом, ценил в ней не только внешнюю привлекательность. Любовь не анализирует, но если она есть, то интуиция, некие внутренние струны души подскажут, как не упустить счастливую звезду, как на пересечении незнакомых дорог выбрать главную. Они познавали друг друга в череду буден, которые казались обоим праздниками. А выходные дни с походами куда угодно — к друзьям Сергея или поездкой за город, в магазин за продуктами, на концерт или выставку — были еще более праздничными. Пока не появилась на свет Анюта, ездили по историческим местам или в православные монастырские обители, благо страна большая, за всю жизнь не объехать все интересное. А когда родилась дочка, стали чаще навещать родственников Сергея в деревне неподалеку от города.

Идиллию с молодой женой редко, но метко умела нарушить Ирина. Живя в одном городе, невозможно было избежать случайных встреч, но, кроме того, она начала тесно общаться с родными Сергея. Теперь она находила время для встреч, и многие сочувствовали ей, потому что Ирина оказалась покинутой, брошенной, одинокой. Так устроен человек. Если все хорошо у ближнего, то хотя бы малая толика зависти всегда имеет место у окружающих, разве что не у святых. А вот когда у того же ближнего, который до определенной поры совсем и не считался таковым, случаются неприятности, тут уж прежние его промахи становятся не в счет, и каждому хочется проявить сочувствие, и чаще всего вполне искреннее. Все это было бы преодолимо, если б не сыновья. Старший, как и в самом начале, не изменял своего решения, никаких отношений с отцом практически не было. Младший, более покладистый и мягкий, со временем стал соглашаться на редкие непродолжительные встречи, которые после рождения Анюты становились все более частыми и даже дружелюбными. Валентина знала, что изменившиеся взаимоотношения с детьми сильно тяготили Сергея, хотя выбор был сделан им самим в пользу новой семьи.

Валентина после ухода Сергея из семьи даже прониклась некоторым состраданием к его покинутой жене. Бывало и так, что они случайно встречались у Ольги. Холодно здоровались, и кто-то из двоих тотчас уходил. Обычно Валентина. В один из таких неприятных для обеих моментов, когда жив еще был муж, Валентина забежала к подруге по пустячному делу, скорее — просто соскучилась по ней. Еще в прихожей она поняла, что к Ольге зашла Ирина. Надо было срочно придумать какой-нибудь предлог, чтобы, не раздеваясь, уйти. Валентина замешкалась. Сообразив, кто стоит в прихожей, Ирина нарочно громко, как будто и не прерывалась тема разговора с Ольгой, почти прокричала:

— Я его предупреждала. Боком ему это выйдет. Предательство не прощу. Есть люди знающие, накажут...

Валентина, не прощаясь с подругой, вышла. «Что она хотела этим сказать?» — тревожно раздумывала она, торопясь домой. Она поделилась своими опасениями с Сергеем.

— Ох, женщины! — добродушно рассмеялся он. — Все-то вы усложняете, доверяете сказкам и приметам! Валюша, ты же умная, неужели в предрассудки веришь?

— Верю, — призналась Валентина.

— Ну и зря! — Сергей обнял ее. — Понимаю, Ирине несладко приходится, вот она и запугивает тебя. А сестренка моя молодец, я ей благодарен, и бывшую принимает, и ребят моих. Ирина и меня запугать старалась, как-то обронила, что ее родная сестра колдунья. Подумать только, сколько разных шарлатанов развелось! И что теперь — всем верить, что ли?

Прошло время, Сергея уже не было в живых, но Валентина не раз вспоминала тот случай. Если не колдовство, то как объяснить продолжительную болезнь Сергея, еще не старого и крепкого мужчины? Он вообще никогда не болел. Даже не простужался. Конечно, переживал разрыв отношений с детьми, но чтобы болеть... Видно, все же есть наказание, о котором говорила Ирина. Да и время не благоволило полному счастью... Для многих девяностые стали испытанием или наказанием — исчезла уверенность в завтрашнем дне. Так и у Сергея, когда их семейная жизнь с Ва-

лентиной как-то устоялась и появилась на свет дочка, возникли серьезные проблемы с работой. С его опытом и знаниями безработным он стать никак не мог. Работал. Но уже не в том статусе, в котором пребывал долгие годы. Сергей и в лучшие свои годы не рвался к власти, движение по карьерной лестнице происходило само собой, просто его ценили. И он старался, потому что дело свое любил, работал на совесть. И если раньше, когда только начал трудиться, взаимоотношения с коллегами были отлажены, существовала некая стабильность, доброжелательность, то теперь все это ушло. Навязчиво продвигалась идея о том, что эта стабильность есть тормоз, дескать, мешает прогрессу. Но она была гарантией того, что на ее фоне возможно было обдуманно и взвешенно менять устоявшиеся взаимосвязи: устранять отжившее, изучать и внедрять новое. Сергею это было близко и понятно. А потом все встало с ног на голову: бывшие подчиненные всеми правдами и неправдами, по головам дошли до кресел начальников. И хотя новая должность Сергея имела теперь вполне «приличное» и тоже новое название, но, по сути, он оказался в роли рядового инженера. Ставка делалась на молодежь, а его в неполные пятьдесят к этому контингенту отнести было уже нельзя. Под разными предложениями смещали многих. Однако на крупных предприятиях периодически спохватывались: молодых надо кому-то учить. Поэтому пока без таких, как Сергей, обойтись не получалось. Время летело отчаянно быстро, и новому поколению в заданных условиях не оставалось ничего другого, как идти в ногу с этим новым безжалостным потоком и бороться за лучшие места под солнцем по принципу «кто не успел, тот опоздал».

Да что Сергей... Многие, особенно мужчины, оказавшись не у дел, не выдерживали. Нередко и жены подливали масла в огонь: как же, совсем недавно еще надежный и обеспеченный супруг вдруг оказывался в положении подмастерья или того хуже — безработного. Разводы и ссоры стали обычным явлением в семьях. Они, конечно, случались и раньше, но не в таких количествах. Теперь же мужчина был должен, должен, должен... Причем быст-

ро и сейчас. А если не может — он никчемный неудачник, позор семьи. Куда подевались порядочность, верность, поддержка, терпение? Судьбы ломались, как сухие ветки.

Валентина все понимала. Даже в самые тяжелые моменты все заботы и трудности делили с Сергеем пополам — шли по жизни, как говорится, рука об руку. Старались радоваться каждому прожитому дню. Экономить тоже приходилось. Казалось бы, что такое починка утюга или блузка, перешитая из ненового платья. Однако на деле экономия даже на мелочах тоже давала свои результаты. В народе это всегда называлось «копейкой в семью».

Но сердце у Сергея все же начало пошаливать. И поскольку в больницах он никогда не лежал, а в поликлинике у него даже карточки не было, то и не обратил особого внимания на первый микроинфаркт. На ногах перенес. Вечером сдавило грудь, а когда среди ночи отпустило, отлежался, утром поднялся, позавтракал Валиными сладкими булочками и отправился на работу. Несмотря на уговоры жены, к врачу не пошел — «еще хуже станет от хождений по кабинетам», не стал и проверяться.

Подрастала дочка Анечка. Ненаглядная дочурка требовала другого отношения к себе, не жели сыновья. Сергей настоял на имени Анна — в честь своей матери. Он был уверен, что оно передаст дочке бабушкину отзывчивость и легкий нрав. Сестра поддержала брата, подыскала девочке крестных, и маленькая Анечка стала едва ли не главным членом обеих семей, где Олины дети уже выросли, а внуков пока не было. Ко всему тому Аня внешне пошла в отцовскую родоу.¹ И если он безмерно радовался и даже гордился этим обстоятельством, то Валентина, наблюдая, как дочь со временем становится все более похожей на родню мужа, втайне от всех немного переживала. Да, симпатичной девочкой становилась Анюта, впрочем, как и все ее сверстницы в том нежном возрасте, когда детство вот-вот закончится и наступит пора юности. Но Валентина сомневалась, будет ли ее дочь так же нравиться мальчишкам, а позже молодым людям, как когда-то она сама. Скорее всего, дочка красотой блистать не будет. Ростом не то чтобы не удалась, но молодежь сейчас стала выше, а за

счет этого — стройнее. Карие большие глаза в маму, а вот носик лучше был бы поаккуратнее. Хорошо, заботливая Валентина вовремя заметила, что зубки у еще маленькой Анюты растут в разные стороны. Этот дефект удалось ликвидировать. Правда, целый год пришлось ходить к стоматологу, который наблюдал за процессом выравнивания Анютиных зубов, а все остальные хором убеждали ее, что скобка во рту — необходимое условие для будущей красивой улыбки. Впрочем, эти вопросы мало беспокоили саму Анюту. Она хорошо училась, участвовала везде, где только можно было проявить себя, одним словом, постоянно находилась в окружении друзей и подруг. Скучать дочери не приходилось, а мальчишек, обожавших деятельную и сверхактивную Аню, тоже хватало.

Как-то раз, в очередную «некруглую» годовщину регистрации брака, когда Сергей и Валентина были вместе уже более десятка лет, они, вроде бы в шутку, решили прикинуть, как же они прожили эти годы. Выходило, что хороших и радостных минут было гораздо больше, чем тех, о которых вспоминать не хотелось.

Валентине припомнилось, как пришлось ограничиться простой регистрацией брака, без свадьбы. Были и цветы, и платье нежно-розовое, но родных на праздничный обед решили не приглашать. Со стороны Сергея близкие посчитали, что очень уж он поторопился: никто опомниться не успел, как положительный во всех отношениях брат, племянник и дядя оставил семью, скоропалительно завел другую. А дети? А покинутая жена? И кто бы мог подумать, что всеми уважаемый Сережа мог решиться на столь отчаянный шаг! Мама Валентины решила — раз нет родных Сергея, тогда и она приедет в другой раз. А еще муж грустил из-за отдалившихся сыновей, а впоследствии прибавились проблемы на работе, хотя тогда не один Сергей оказался в числе почти что неудачников. Но именно в эти трудные годы удалось обзавестись квартирой, которую можно было теперь приобрести за деньги. Другое дело — где их взять? Ничего, выкрутились сообща. Ипотеки, рассрочки, кредиты... Сколько было радости, когда переселя-

¹ Родова — родня (устар.).

лись из съёмной комнатухи в настоящую, пусть не новостройку, но свою квартиру! Как чудесно было покупать мебель, иногда комиссионную, подбирать обои и даже заниматься таким нудным делом, как покраска окон и дверей. Поменять на новые пока не получалось, обживались как умели, потому и обходились необременительными тратами.

Валентина уже мечтала и о дачном участке. И всё бы сбылось, если б редкие недомогания Сергея не переродились в болезнь сердца. Да, много счастливых минут прошло или, правильнее сказать, пролетело в их браке. Как и случается с сердечниками, жизнь Сергея оборвалась в одночасье...

* * *

Время шло, и Валентина могла уже без остро ощущения невосполнимой потери и даже с улыбкой вспоминать некоторые моменты замужества. Как-то ждала дочку к обеду, а на ум пришел забавный случай, ее первый опыт приготовления борща. Получилось неизвестно что: в кашеобразной массе ложка прочно заняла вертикальное положение. Обескураженная, она виновато улыбалась Сергею, а тот только подтрунивал над нею. На следующий день купил кулинарную книжку, и вместе стали постигать тайны кулинарного искусства. Потом она припомнила, как с мужем обсуждали ее идеи по обустройству новой квартиры. Вот тут уж пригодились и ее вкус, и сметка! А каким заботливым отцом оказался Сергей! Делил с женой ночные бдения у кровати маленькой Анечки, подолгу гулял с нею, а когда подросла, учил читать, покупал хорошие книжки. Потом помогал одолевать школьную программу по физике, математике. Однажды он сказал, что Аня такая же смышленная, как и его старший сын, потом сам же растерялся от оброненных слов, но Валентина согласно кивнула, как будто и не обратила внимания на сказанное. Став сама матерью, она если и не приняла, то поняла чувства старшего сына Сергея.

Вообще, с сыновьями было сложно. Сергей с гордостью говорил о старшем, который после

школы поступил в престижный технический вуз Москвы. С младшим в этом плане было потруднее, усидчивостью не отличался, больше увлекался спортом, и Сергей в свое время мудро решил не мучить его науками, но убедил, что учиться и приобретать специальность все равно надо. Он встречался с ним и даже общался с Ириной, решая, что же делать дальше. Уговорил ее, что для начала младшему надо освоить какую-либо нужную специальность, например токаря или сварщика, то есть определить учиться в какой-то колледж. А потом сын сам решит, как быть дальше. Когда младший получил документ об окончании колледжа, то есть стал почти взрослым, Валентина осторожно предложила Сергею приглашать его к ним почаще. Все удалось, хотя иногда чувствовалась некоторая ревность сына по отношению к маленькой сводной сестренке. Но все же, когда было время, он гулял с ней, покупал маленькие подарки, незаметно для себя все более проникаясь родственными чувствами к Ане.

Иногда младший сын докладывал о делах матери и брата. Ирина оставалась одна, во всяком случае мужчин в доме не было. «Ты уж не забывай нас, — как-то сказал сыну Сергей. — Мало ли что может случиться со мной, так у Анюты всегда будет возможность обратиться за помощью к взрослому мужику». Валентина с удивлением взглянула на мужа. Что это он? За семейным воскресным обедом такие разговоры? Сергей улыбнулся: «Да я это так... На всякий случай». Прошло немного времени, прежде чем Валентина поняла — не просто так были произнесены эти слова. Уже тогда Сергей чувствовал неладное, но молчал...

В первый год жизни без него Валентине временами хотелось наложить на себя руки. Но дочь?.. Что будет с нею, если останется одна? Или пожилая мама? Валентина заставляла себя в такие моменты думать о чем-нибудь другом. Шло время, и минуты отчаяния постепенно сменились непреходящей тоской. Отвлекали домашние заботы, в основном о дочери, и работа, к которой после нескольких лет добровольного домашнего затворничества необходимо было привыкать заново.

Когда Аня пошла в первый класс, они с Сер-

геем решили отказаться от продленки. И Валентина погрузилась в домашние заботы. Она не собиралась оставаться только домохозяйкой и, когда Аня подросла, начала подыскивать себе работу. Этот период ее жизни как раз и совпал с уходом Сергея. Горюй не горюй, а деньги откуда-то брать надо. На тот момент в проектно-институте место Валентины было давно занято, но пригодилась ее другая специальность. Бухгалтеры, как когда-то сама говорила, были всегда востребованы. Ей помогли устроиться в строительное объединение. Какая б ни была у нее теперь должность, строительная отрасль все равно знакома. Однако работать стало намного сложнее, чем раньше, хотя прошло не так уж много времени с тех пор, как она уволилась из проектного института. Владение компьютером считалось уже вчерашним днем. Те, кто не смог принять новые требования, или увольнялись сами, или их «просили» написать заявление. Но для Валентины и продвинутой молодежи как раз этот вопрос и не представлял особой сложности, другое дело — постоянно меняющиеся требования законодательного плана. Казалось бы, компьютеризация должна была бы стать огромным подспорьем для «считающей» части любого производства. Но на деле приходилось не только считать, но без конца пересчитывать готовые к производству документы. Не успеешь осмыслить толстый еженедельник по бухгалтерскому учету, как в последующем — новые указания, которые подчас приходили в противоречия с только что освоенными. Хорошо еще, что женский коллектив, в который попала Валентина, оказался неплохим, в основном молодежным. Саму Валентину чуть ли не в старушки записали — такой теперь был настрой в обществе. Однако работать надо было, пускай и зарплата мала, надеяться не на кого, кроме как на себя.

Со временем молодые сотрудницы Валентины поняли, что с ней можно и пошутить, и посекретничать, и посоветоваться, особенно по части взаимоотношений с противоположным полом. Не все они еще обзавелись семьями, а у кого-то и вообще — даже самого незavidного поклонника не было.

— Вы-то хоть пожили со своим мужем, — по-

сетовала как-то одна из молоденьких коллег. — А ведь не всем так везет... Вам будет что вспомнить на старости лет!

Валентина, скрывая досаду, возразила:

— Не успеете оглянуться, как доживете до моей «старости». Не так много и осталось! Нашли тоже бабушку! Лучше к себе присмотритесь. Может, сами виноваты в своем одиночестве?

— Ой, простите, Валентина Павловна! — спохватилась собеседница. — Я не хотела вас обидеть. Просто интересно узнать у женщины с семейным стажем — как будущего жениха охмурить? — девушка смущенно улыбнулась, пытаясь заглядеть неловкость.

Весь отдел тут же пришел в движение, галдели до тех пор, пока захватывающую тему не прервало начальство, привлеченное шумом в бухгалтерии.

Время шло. Вот и Анюте исполнилось четырнадцать. Похожа и непохожа на отца. Валентина вспоминала, как она огорчалась, когда впервые заметила это сходство. Тогда ей казалось так: то, что хорошо было в мужчине, отразилось не лучшим образом на свежем личике дочери. Какие глупые мысли лезли в голову! Теперь она часто думала: а что толку ей самой от красоты? Немногим за сорок, а уже одна. И не нужен ей никто. В молодости было за кого выйти замуж, но все выбрать не могла, пока бывшие кандидаты в мужа не переженились. Конечно, достойные тоже оставались, но вот Сергей появился. Женатый, обремененный детьми. Зато какая любовь настигла их обоих! Наверное, поэтому Валентина до сих пор не признавала мимолетных связей. Спустя время после смерти мужа, когда на ее лице стала появляться улыбка, мужчины нередко предлагали «просто общаться». Естественно, такие предложения отвергались, да и могли ли кто-нибудь заменить Сергея. Теперь Валентина спокойно размышляла о том, что Аннушка вполне может в свое время найти избранника и ее личная жизнь окажется счастливее, чем у матери. В таком случае ей, Валентине, станет еще более одиноко. Не зря же Ольга уж не раз советовала подумать о будущем — «повнимательнее присматриваться к окружающим».

Глядишь, попадется серьезный человек, не прозябать же в одиночестве до конца дней...

Такой человек не замедлил появиться: вдовец с квартирой и неплохим заработком. Двое «пристроенных» детей. Семейные, живут отдельно.

Смешно сказать, но познакомилась с Николаем Петровичем на кладбище. Он часто навещал могилу жены, а Валентина — мужа. На кладбище тоже иногда нужны помощники, особенно весной, когда необходимо расчистить залежавшийся снег, убрать мусор, а попозже завезти свежую землю, чтобы высадить цветы. Николай Петрович всегда предлагал помощь, и в знак благодарности Валентина пригласила как-то его на обед. Потом он побывал у нее еще несколько раз, а где-то через пару лет знакомства явился к ней на работу к концу дня и предложил проводить домой.

— Валя, выходи за меня, — с волнением в голосе сказал он, когда они уже подходили к ее дому, и торопливо продолжил, боясь, что она откажет, недослушав: — Мои дети выросли, они обеспечены, а у тебя дочь. Не успеешь глазом моргнуть, как и ей понадобится жилье. Вот и останется ей твоя квартира, а жить будем у меня. Хоть сейчас. Конечно, распишемся. Все будет по закону. Не хочется думать, но вдруг ты в какой-то момент передумаешь. Тогда я согласен свою квартиру разделить с тобой. Так что на этот счет тебе переживать не придется.

Валентина остановилась. Предложение застало врасплох.

— Это так внезапно, — растерялась она, почувствовав, что краснеет. — Как я могу с ходу оставить ребенка одного и уйти к кому-то? Мала она еще, чтобы жить самостоятельно. И потом, я совсем не знаю тебя с этой стороны, ну... со стороны мужа, что ли... И вообще... Подумать надо.

— Ну, «эту сторону» проверить нетрудно, — с надеждой улыбнулся Николай Петрович. — Можно прямо сейчас. Пошли ко мне!

— Что ты! — Заметно было, что Валентину неприятно резануло сказанное Николаем Петровичем. — Кто же так делает?! Я ведь сказала, подумать надо. Неудачно выразилась. Я имела в виду бытовую сторону жизни, семейную. Как она сложится, никто из нас не знает.

Надо как-то почаще встречаться, а уж потом...

— Да знаю я, — прервал Николай Петрович, — такой и представлял тебя. Но мое предложение обдумано давно, не мальчик уже. И то, и это — все обдумал. Так что решение за тобой. Я не тороплю. Ты вообще можешь перейти ко мне, для начала просто так. Если сложится, то по одному твоему слову займемся делом... — Он осёкся, снова заметив неудовольствие на лице Валентины. — То есть решением жилищного вопроса и всем прочим. Если захочешь, будешь жить на два дома, пока Аня замуж не выйдет, а не понравлюсь я — вольному воля, вернешься домой.

Они стали прощаться. Взволнованная Валентина под благовидным предлогом отказалась от воскресного посещения новой выставки в музее, куда Николай Петрович соглашался пойти только ради нее. Он все понял, извинился за настойчивость и перестал возвращаться к теме совместного проживания. После они некоторое время еще куда-то ходили, но Валентина чувствовала неловкость и даже отчасти вину перед ним. Понимала, что Николай Петрович ждет от нее решительного шага, но она все боялась обидеть его, поэтому и предложила на время расстаться, чтобы «все как следует осмыслить».

Однако что же мешает дать решительный отказ? Валентина знала себя, не хотелось огорчать, хотя все равно придется когда-то. Как у многих мужчин, у Николая Петровича всё просто: встретил с работы, пригласил к себе, объяснился. По традиции выпили, поели и занялись проверкой «той стороны». Эта «простота» коробила Валентину. И даже не в самолюбии дело, а совсем в другом. Ведь не понял Николай Петрович ничего! Не такая она. Или женщины так стали вести себя, что позволяют с ходу принимать подобного рода предложения? Бывает, конечно, и так, но это в случае, когда двое охвачены непреодолимым желанием. Так было с Сергеем когда-то... Но и ей не двадцать пять, и Николай Петрович не любимый Сергей... Неужели он не видит, что у нее такого желания и в помине нет?..

После того как договорились на время расстаться с Николаем Петровичем, Валентина решила поделиться своими сомнениями с до-

черью. Изумленная поначалу Анята довольно быстро сориентировалась, проявив удивительную, по мнению матери, практичность.

— А что, — сказала она, подумав, — почему бы и не попытаться начать новую семейную жизнь?

— Но ты ведь раньше никого из моих знакомых мужчин на дух не переносила!

Валентина была разочарована. Вместо доверительного разговора дочь быстро прикинула, что к чему. Валентина раздосадованно подумала — «и не в ущерб себе».

— Так когда это было! — Анята деловито перебирала что-то на письменном столе. — Я была маленькая, и одна мысль, что папу заменит кто-то другой, приводила меня в бешенство. Потом-то я выросла, разобралась, что к чему, спокойней стала, а Николай Петрович удивил! Крутой старичок, ничего не скажешь!

— Между прочим, он ровесник твоего папы, — вспыхнула Валентина. — Может быть, на год-два постарше.

— А вот когда к тебе иногда приходили знакомые со своими законными женами, — продолжала Аня, словно не услышав реплики Валентины, — видела я, как поглядывали на тебя примерные мужья, только ты не замечала ни их, ни меня. Могла и поговорить со мной, объяснить, что это просто гости. Согласись, что могла бы. Я ведь маленькая была. Переживала. Но разве кто-то обращал на меня внимание?!

— Ну и откровения, — Валентина задумалась, потом продолжила: — И почему же ты так переживала? Если уж говорить с тобой по-взрослому, то я никогда не допускала ничего непристойного. А ты всякий раз, как тебе что-то почудится, убирала фотографию отца с моего стола.

— И переставляла на свой, — поправила Анята. — А ты снова забирала ее. Молча. Ни разу не спросила, почему я так поступаю. И дело совсем не в том, пристойно ты себя вела или нет. Ты всегда считала, что одна любила отца. Да мы с ним, может быть, еще больше твоего любили друг друга! И совсем не так, как взрослые. Но вам все равно не понять своих собственных детей. Ладно, не будем. — Аня как будто смахнула с лица мучительные детские воспоминания. — Теперь-то и я почти взрослая и хорошо понимаю, что значит квартира.

— Ах, вот оно что! — воскликнула вконец

расстроенная Валентина. — Дело, значит, в квартире! Но ты даже не спросила, как я отношусь к Николаю Петровичу. Может быть, он мне вообще неприятен как мужчина! А у тебя теперь мальчик появился, поэтому ты и стала терпимее. Могла бы, между прочим, по душам со мной поговорить!

— Тогда прости, — Аня пожалала плечами, но сожаления её в голосе не чувствовалось, — я как-то не поняла. Юрка, конечно, ничего себе, я и о тебе стала думать по-другому, когда он появился. Но мне кажется, что в твоём возрасте...

— Вот в том-то и дело! — перебила раскрасневшаяся Валентина. — Это вы теперь, молодые да ранние, а чуть что мы — так сразу и про возраст. Сами-то как ведете себя? Нам и не снилось!

— Прямо так и не снилось! Вон сколько разводов среди ваших!.. — Аня запнулась. — Извини. Не подумала про нашу семью. В общем, не предполагала, что все так сложно. — Она наконец бросила перебирать учебники, что делала уже машинально, и, глядя в глаза матери, продолжила: — И при чем здесь квартира. Хотя... Надо подумать. С другой стороны, было бы совсем неплохо, если в будущем хата стала моей. — Аня заметила, как изменилась в лице Валентина. — Ну, мама... Это я так. Не нравится, так и не выходи за него. Нам и вдвоем неплохо. Николай Петрович дает тебе время на размышление, к тому же ты всегда сможешь вернуться домой, если все-таки с ним не сложится. Но если честно — не знаю... Не представляю тебя с другим мужчиной, кроме папы. Во-первых, ты переборчивая, а во-вторых, кто может сравниться с папой?

Аня обняла мать, и Валентина расплакалась. Когда дочь ушла, она вплоть до ее возвращения раздумывала над разговором. Значит, она сильно переживала, когда к Валентине приходили друзья, иногда приводившие с собой мужчин, которых хотели познакомить с Валентиной. Но это были настолько редкие случаи, что Валентина тут же забывала о них, лишь только закрывалась дверь за гостями. А дочь, оказывается, переживала, наверное, даже страдала... Теперь она все больше времени проводит с подружками или в спортзале, а ее, Валентину, приятельницы все реже приглашают к себе, скорее всего, боятся за своих благоверных. Может быть,

они и правы? Ведь увела же она Сергея из семьи! Валентина снова представила себя одну, без взрослой замужней дочери. Кстати, где гарантия, что Анюта не выскочит за Юру своего? Может быть, и стоит хорошо поразмыслить над предложением Николая Петровича? Взвесить все «за» и «против». Разумные доводы сводились к «за». Против был один. Не нравился он ей и все тут! И вообще, никто не нравился настолько, чтобы думать о ком-то как о муже. Она решила пока не говорить Николаю Петровичу ничего определенного, раз тот не торопит, а дальше видно будет.

* * *

Уже давно, не первый год, по весне Валентине становилось особенно тяжело; удлинявшийся день, солнечное утро и прочие атрибуты чудесного времени года только будили воспоминания. Но вот наконец что-то изменилось внутри нее самой, во всяком случае перестали мучить приступы тоски. И уже не раздражал такой обманчивый ветерок, приносящий разные простуды и бронхиты, не огорчал снег вперемешку с дождем, не портили настроение грязные ручьи на улицах, от которых пачкалась и отсыревала обувь. Как-то утром, направляясь на работу, Валентина попробовала всмотреться в необъятный небосвод, понять, отчего дрожит этот прозрачный воздух, отчего исходит эта нежность и хрупкая красота? И видят ли ее окружающие? Голова закружилась.

Сразу вспомнилось, как после смерти мужа, особенно весной, приходили мысли обратиться к врачу, иначе можно было и в «психушку» попасть. Так ей казалось временами. Но как-то неудобно было идти в поликлинику с подобными жалобами, когда полно людей с тяжелыми заболеваниями, а она вдруг явится и скажет, депрессия, мол, у меня, помогите! Нет уж, надо самой бороться. Как могла, старалась преодолеть, пережить нерадостное время, и вот почувствовала наконец, что усилия не были напрасны, что жизнь идет своим чередом. И поняла это вроде бы самым неожиданным образом, когда зашла в магазин за привычны-

ми покупками. Вдруг приглянулась блузка. Может быть, купить? И вовсе не для того, чтобы обновить гардероб, а просто так, в знак того, что эта весна все же не пропала для нее — наступила вновь, впервые за прошедшие после смерти Сергея годы. Захотелось даже каких-то перемен в жизни. Но каких? Валентина и сама не знала. «Нет, — приструнила она себя, — что-то разволновалась не в меру». Гораздо спокойнее думать о ближайшем будущем... Например, купить не только блузку, но и подобрать под нее подходящую юбку или брюки. Стоит еще подумать о цветочной рассаде, пока она недорогая, а как станет потеплее и неприхотливые цветы наберут силу на подоконнике, высадить их на балконе и в цветнике на кладбище. Уже не первый год балкон «украшают» пустые цветочные ящики. Все выбросить их хотелось, но что-то останавливало, наверное, то, что сделаны они были руками Сергея. Нет, наступившей весной пора положить конец хандре, и пусть на балконе распустятся настурции, львиный зев, виола.

В выходной день Валентина направилась на поиски рассады и по дороге встретила Владимира Семеновича, заведующего хозяйственной частью предприятия, где работал Сергей. Раньше тот бывал у них дома. Не то чтобы дружили семьями, но в приятельских отношениях состояли. Мужчина широко заулыбался и заговорил по своей привычке громко, на всю улицу:

— Здравствуй, Валя! Сто лет не виделись! Как живется?

— Тише, Владимир Семеныч, — она тоже была рада встрече с ним, человеком неунывающим и доброжелательным. — Ну, как живется? Труднее, чем раньше. Но стараюсь. Привыкла экономить. Да вот Аннушка большая совсем, расходы растут. Вы хозяйственник, поймете меня.

— Так я помогу тебе прямо сейчас! Как в рекламе! — Он энергично потер ладони. — Мы тут одного молодого специалиста пригласили на работу. По той же части, что и Сергей твой был. Приезжий. Снова о хороших спецах вспомнили. Иначе и быть не могло, только где их взять? Старая гвардия распалась, а кто еще трудится где ни попадя, уже в возрасте, уже не

освоить им новых технологий. Электроника кругом, «старичкам» в короткие сроки не все постигнуть удается. Вот молодых поэтому ищем, одного такого, можно сказать, перемашили. Все бы ничего, но пока не можем решить с квартирой. В ближайшее время уладим этот вопрос. А сейчас платим ему неплохо, а вот за гостиницу многовато выходит, частнику платили б намного меньше. Взяла бы к себе, а? Ведь лишняя копейка не повредит! И нам, и тебе выгодно. Договор заключим.

— Ну и предложение! Как я с чужим мужчиной буду жить под одной крышей? — совсем растерялась Валентина.

— Да очень просто! Он дома будет только ночевать и все. Работает допоздна, ужинает в кафе, ты его и видеть-то не будешь! Ну и копейка пойдет тебе не такая уж маленькая. — Владимир Семенович назвал сумму. — Завтра звони, а то желающие найдутся сразу! Жду. Тебе повезло, что меня встретила! Оформим все официально, не беспокойся.

Он вручил ей визитку, помахал рукой и скрылся за ближайшим поворотом. Валентина, вернувшись с цветочной рассадой, сразу стала разбирать ее, одновременно раздумывая над предложением Владимира Семеновича. Надо же, какая странная весна в этом году. Во всяком случае для нее. То выйти замуж предлагают, то выгодного квартиранта... К чему бы это? Валентина рассказала дочери о встрече с Владимиром Семеновичем.

— Я бы согласилась. — Аннушка, как всегда, быстро принимала решения. — Он прав насчет лишней копейки. Просто везуха! И вот еще что... Не скажу, что плохо, но неважно я одета...

Валентина нахмурилась:

— Что за «везуха» еще? Слышал бы отец!

— Это значит, что все отлично, — примирительно отозвалась Аня. — Но ведь и вправду, предложеньице нехилое. Не обижайся, мама, я понимаю, всех денег, как говорят, не заработаешь, но ты знаешь... Я не такая прикольная девушка, как ты. Поэтому одежда в моем случае играет не последнюю роль. И хотя не это главное, как талдычат кругом, хуже некоторых дурочек совсем не хочется выглядеть. В голове пусто, зато амбиций из-за тряпок! А тут и работать не надо, и подрабатывать по вечерам, как

ты делаешь. Безо всяких хлопот предлагают нам помощь. Да и места у нас хватает. Переберешься в мою комнату, а квартирант пускай в большой устраивается. Давай попробуем. Если не получится, то всегда можно отказаться.

Утром Валентина позвонила Владимиру Семеновичу, а через день вечером на пороге ее квартиры возник молодой мужчина спортивного вида.

— Проходите, — Валентина почему-то смутилась, проводив будущего постояльца в комнату. — Давайте поговорим для начала. Садитесь. Сразу обсудим все условия, может, вас или меня что-то не устроит.

— Почему же не устроит? — удивился он, располагаясь на диване. — Владимир Семенович мне все условия изложил. Не так уж сложно.

Валентина, стараясь не выдавать невесть откуда взявшейся растерянности, спокойно начала:

— Признаться, все получилось довольно неожиданно для меня, Владимир Семенович дал немного времени на раздумья. Квартирантов у нас не было никогда, но вот жизнь заставляет... В общем, обитать будете в этой комнате, мы ее называем «большой», здесь же, если вы не против, дочка будет готовить уроки. В нашей с ней спальне негде поставить письменный стол, да учебники еще...

Он улыбнулся, заметив ее смущение.

— Все нормально. Никто мне мешать не будет, прихожу поздно, работы много, пока отдыхать некогда. Поэтому мне в основном нужен ночлег и чашка кофе утром. К тому же обещали не тянуть с собственной квартирой.

— Неужели, как раньше, дадут бесплатно? — удивилась Валентина.

Гость с сомнением пожал плечами:

— Не думаю. Просто Владимира Семеновича весь город знает. Он ищет вариант получше и подешевле. В чем-то, возможно, и помогут. Впрочем, я так и рассчитывал, иначе не согласился бы на переезд в ваш город.

— Кто же вам стирает, как с ужином? — не удержалась Валентина, представив гостя за тарелкой невкусного супа. — Обедаете, я понимаю, в столовой?

— Именно так, — подтвердил он. — Стирать мне не надо, сам умею или покупаю новое. Практически не ужинаю или ем на ночь неп-

лотно. Форму держу. Разрядник по нескольким видам спорта. Зовут меня Александром... — чуть подумав поправился: — Александром Михайловичем, можно просто Александром. Что еще?

Валентина почувствовала его уверенность в себе, ей вдруг понравилось, что сидит он в свободной и раскованной позе, что говорит ясно и просто, а еще и молод наконец. Исчезли беспокойство и натянутость. А что, собственно, она теряет, если ему или ей что-то не понравится? Ничего. Такой человек и отказ без обид воспримет.

— Прошу прощения за последний вопрос. Как относительно девушек? — после недолгой паузы, как бы извиняясь, добавила: — Сразу надо договориться на эту тему. Если к вам кто-то придет раз в месяц по-дружески, то уж ладно. Но по части других отношений...

— Я все понял, — Александр рассмеялся задорным молодым смехом. — Ничего такого не будет. Даже раз в месяц. Даже по-дружески. Если интересует, могу подробнее.

— Давайте, — Валентине было любопытно, отчего же ее будущий постоялец, такой красивый и статный, предпочитает одиночество, не завел до сих пор ни друзей, ни девушки.

— Понимаете, Валентина Павловна, — уже без улыбки ответил он, — было. Все было. Вижу ваше удивление. Думаете, как же так, молодой, а уже?... Угадал?

— Угадали, — призналась она. — Но если не хотите, то я не принуждаю... Мне важно предупредить...

— Да ладно уж, продолжу, — легко ответил Александр. — Долго говорить не буду, не хочется ворошить не самые приятные воспоминания. В общем, чуть не женился. Но она сначала приняла мое предложение, а потом ушла к другому. Вот и все. Была еще одна причина, не знаю даже, какая важнее. Примерно за год до разрыва скоропостижно умерла моя мама. Я ее очень любил и, когда ее не стало, сильно переживал, поэтому свадьбу решили отложить. Впрочем, это естественно и даже в традиции. Но, возможно, именно по этой причине свадьба так и не состоялась вообще. А вторая причина моего отъезда, она же и главная — женитьба отца. — В голосе Александра возникло напряжение. — До сих пор так и не простил ему изме-

ны памяти матери. Поэтому, когда пригласили на новую работу, долго не думал и почти сразу согласился уехать. А сейчас времени нет совсем не только для девушек, но и друзьями пока не обзавелся. Хотя это, конечно, не навсегда.

Валентина сидела, подперев подбородок ладонью, проникнувшись историей Александра.

— Ясно, наверстаете, — ободрила она его. — Только, быть может, вы поторопились с отцом? Оставили его с женой, но без сына.

— В нашей семье трое детей. Так что с отцом остались сестра и брат. Они по-другому восприняли его женитьбу. Кроме них, у него теперь есть еще жена.

Александр поднялся, они вместе вышли в прихожую. Возле двери Валентина не выдержала, спросила:

— Что ж, получается, и отца, и девушку вашу — с глаз долой, из сердца вон?

— Получается так, — кивнул Александр. — С девушкой тему мы с вами «проработали», возвращаться не будем, — подытожил он, прощаясь. — С отцом видно будет. А сейчас — до конца недели я живу в гостинице, в воскресенье вечером явлюсь к вам. Пока приходится работать без выходных. До свидания.

Валентина закрыла за ним дверь и устроилась в любимом кресле. Она задумалась. Не только ей ниспосланы горькие переживания. Вот Александр. Молодой, преуспевающий, а сколько уже перенес. Надо полагать, еще не старую мать потерял, девушка обманула... Отец... Вот здесь он не прав, зря осуждает. По молодости. Никто не знает, что творится в душе у человека после ухода близких. И никто не может наверняка сказать, почему какая-то пожилая пара решила коротать остаток жизни вдвоем. У каждого свои причины. Ведь говорил ей Сергей в последние дни его жизни: если встретишь достойного человека, не терзай себя раскаянием, ты еще долго проживешь после меня, и лучше, если не в одиночестве. Но как-то не встретился пока такой человек, да и не было особого желания искать его.

Валентина поднялась, подошла к окну. На подоконнике потихоньку расцветали ее любимые фиалки. Недавно появилась совершенно необыкновенная, с большими бархатистыми листьями и крупными темными ли-

ловыми бутонами. Зацвели белая и красная герань и другие комнатные цветы. Гордостью Валентины с недавних пор стали чайные розы. Их издалека привезла соседка по площадке, ботаник. Валентине достался тогда один отросток, а сейчас у нее росли уже три самостоятельных растения. На этих невысоких розах расцветали такие бутоны, что Валентина всякий раз боялась, как бы тонкие веточки не надломилась под их тяжестью. Поэтому она осторожно мягкой бечевкой привязывала к деревянным палочкам цветущий стебель, а иногда и не один. Сегодня она заметила несколько набравших силу еще совсем маленьких алых бутонов, скоро зацветут и розы.

Ярко светило солнце, от окошка исходило весеннее тепло. Можно было не беспокоиться за цветы, и Валентина открыла форточку. Свежий воздух пахнул на нее ароматами весны, и к ним примешивался едва уловимый запах ее расцветающих розочек. Странно, подумала она, почему Александр был так откровенен с нею при первой же встрече? Может быть, он увидел в ней какие-то материнские черты? Она с пристрастием посмотрелась в зеркало. Да нет, никак не похожа на маму взрослого мужчины. Вероятно, просто вызвала доверие.

Всю неделю Валентина с беспокойством ожидала появления чужого человека в своей квартире. Даже Владимиру Семеновичу позвонила. Он оказался сильно занятым, поэтому говорил коротко, но беспокойство Валентины почувствовал.

— Валя, извини, — ответил он на ее явно придуманный несущественный вопрос, — я уже говорил, если что — звони. Найдем Саше другое жилье. Но уверяю тебя — не пожалеешь.

Александр явился, как и договаривались, в воскресный вечер, довольно поздно.

— На работе пришлось допоздна просидеть, — пояснил он с порога. — Да вещи надо было собрать.

Выглядел усталым, попросил приготовить кофе, перекусил и лег спать.

«Это хорошо, — с облегчением подумала Валентина, — надо и нам с Анечкой пораньше лечь. Если так дальше пойдет, то лучшего

квартиранта не найти». Согрела мысль о дополнительном заработке, который давал возможность самой не подрабатывать по выходным и дочку приодеть.

* * *

Еще в школе Валентина ровно относилась почти ко всем предметам, несколько выделяя математику и литературу. Но ей не нравилось разбирать «по косточкам» образы героев так, как трактовали их учителя, не хотелось заранее продумывать структуру сочинений, потому что повествование в ее работах рождалось само собой, и уж потом, когда всё было готово, для порядка составлялся неукоснительно требуемый план. Зато чтение книг занимало значительную часть времени Валентины. Поэтому подсказать дочери что-то по гуманитарной части труда не составляло. С математикой дело тоже шло без особых проблем. А вот азы физики Аня начала постигать с определенными трудностями. И хотя Сергей в свое время приучил дочь работать вдумчиво, сейчас что-то не получалось. В свои четырнадцать Аня уже видела себя студенткой какого-то солидного вуза и понимала, что нуждается в поддержке, если серьезно думать о будущем. Она критически относилась к хорошим или отличным оценкам по той же физике, давая себе отчет в том, что дело не столько в них, сколько в знаниях. Дети стали грамотными и понимали, что учителя тоже отчитываются за количество хороших и не очень хороших оценок, так же, как и за самих учащихся — троечников, середнячков и отличников. Аня поделилась своими сомнениями с матерью.

— Еще успеем что-то придумать, — ответила Валентина. — Пока обещать ничего не могу. В современной подаче физики не сильна, а на репетитора не заработала. Поэтому сейчас постарайся сама разобраться, походи на дополнительные занятия...

— Мама, ни фига толку от этих занятий, — на подвижном лице Ани возникло выражение полной обреченности. — У нас учительница слабая по физике, все говорят. Не идут в школу настоящие физики. Другую работу находят.

— Все-то вы знаете, кто плохой, кто хороший, — беззлобно проворчала Валентина. — И давай как-то от сленга твоего ужасного освободиться!

— Давай. Но сейчас не про то. Не хочу быть бестолковой. В классе привыкли, что я впереди! И сама я привыкла. Но выход уже найден!

Аня торжествующим взглядом окинула изумленную мать.

— Это какой же?

— Очень простой. Я решила попросить нашего квартиранта помочь мне с задачами по физике. Уже больше месяца у нас живет, пора бы и разделить общие семейные заботы.

— Что ты еще придумала! — Не в меру самостоятельная дочь далеко не всегда, по мнению Валентины, обращала внимание на определенные условности.

Валентина наконец пришла в себя.

— Во-первых, — продолжила она, — мы благодаря ему имеем дополнительный заработок. А во-вторых, это просто неприлично!

— Вот еще! — отмахнулась Аня. — Во-первых, платит он не из своего кармана, а во-вторых, что тут неприличного? Я что, пристаю к нему, что ли?

— Что значит — пристаю? — сердито осадил дочь Валентина. — Маленькая еще, а такие вещи говоришь!

— Я — маленькая?! — разошлась Аня. — Мне уже скоро пятнадцать исполнится! А в этом возрасте знаешь что уже делают? Находят старшего наставника! Желательно небедного!

Валентина почти упала в кресло.

— Ой, мама, — Аня постаралась быть невозмутимой. — Ну что тебе падать вздумалось! А если бы на пол? Просто все сейчас так говорят. Кроме моих подруг, конечно... Хотя все мы смотрим разные передачи, и в сетях кое-что имеется. Но у нас в классе, например, сейчас ваще все влюблены друг в друга. Я вот тоже с Юркой дружу, не могу же увлечься престарелым Александром Михайловичем! А вот в качестве репетитора он мне подходит, я хоть слушаться его буду. О'кей?

Валентина устало возразила:

— Разреши мне, пожалуйста, самой поговорить с Александром Михайловичем. Тешу себя надеждой, что разрешишь.

— Ладно, разрешаю. Только не тяни, — Аня

сделала вид, что не заметила язвительного тона матери.

Валентине затея дочери показалась неприемлемой, но она знала, что Аня все равно сама заговорит с квартирантом, если дело пустить на самотек. Пока Валентина раздумывала, инициативная Аня в один из субботних вечеров сама нашла благовидный предлог, чтобы «нацелить квартиранта» на помощь в решении «всего одной задачки». Он откликнулся, и задача была решена. После чего Аня мечтательно произнесла:

— Вот если б вы со мной хотя бы один разок в неделю занимались... Тогда бы я и по физике первая была в классе...

— А что, — недолго думая ответил он. — Можно и так. И у меня будет повод освободить себе хотя бы один выходной. Сейчас уже такая возможность просматривается, не то совсем закисну. И еще давно думаю — надо возобновить походы в бассейн. Ты как насчет плавания?

— Очень даже за. Юрка тоже, это мой одноклассник, мы с ним дружим. Если мы вам на хвост оба сядем, то ничего?

— Отлично. Можно и маму захватить заодно.

— Мама пока обождет с бассейном, — вмешалась Валентина. — Но я о другом хочу с вами договориться. Как я понимаю, денег с нас вы брать не будете?

Александр, переглянувшись с Аней, изобразил на лице сильный испуг, чем рассмешил ее. Валентина, сделав вид, что не обратила внимания на сообщников, продолжала:

— В таком случае давайте договоримся так: вы с утра занимаетесь с Аней, а потом я кормлю всех обедом. — Заметив протестующий жест Александра, добавила: — Не в столовую же вам идти после занятий! И меня тоже поймите, иначе не соглашусь ни на какую помощь, а со следующего учебного года буду искать Ане репетитора. Надо подтянуть ее, подпустила предмет. Позанимается сначала, а потом сама справится. Она сообразительная.

Так и порешили. Первым занятием Аня осталась недовольна. Предварительно она как следует разобралась со всем, что предложили ей создатели учебника по физике в очередном параграфе, и приступила к решению задач. Здесь все оказалось не так, как хотелось бы.

Одним словом, справиться с задачами не удалось. Сама себе Аня поставила тройку. Все-таки параграф-то выучила! Александр Михайлович переправил виртуальную тройку на двойку, мотивируя тем, что теория дается для того, чтобы, разобравшись с ней, можно было решать задачи. Иначе зачем теория?

Аня разобиделась.

— Хотите показать, что я совсем дура, что ли? Или, блин, ваще заниматься не хотите?

— Давай договоримся без «блинов» и «ваще», — нисколько не обидевшись, сказал Александр. — И потом — если будешь выпендриваться, так занимайся сама. За квартиру я плачу, а терпеть твои капризы не намерен. В столовую пойду или пирожков себе куплю. Зря только из-за тебя дома остался!

Слушая их, Валентина понимала — Александр таким образом «воспитывает» Аню. Она улыбнулась про себя. Что ж, неплохо у него получается, но Анька-то ее совсем еще ребенок, не понимает, что квартирант играет роль строгого старшего брата.

Александр Михайлович принялся деловито убирать со стола бумаги, ручки, тетрадки.

— Ой, ну что я такого сказала? — Аня не ожидала подобной реакции. — Ну, простите. «Блин» говорить не буду, — потом не выдержала: — А «выпендриваться» можно говорить?

— Можно. Но не нужно. Ладно, посмотрим на твое поведение в дальнейшем. Пока я понял одно: ты считаешь, что хотя бы на три задание выполнила. Это не так, сама знаешь: если не можешь задачу решить, значит, тему не осилила. Начнем с другого. Хочу понять, как ты представляешь себе предмет под названием «физика». Хватает ли у тебя воображения осмыслить процессы, которые изучает эта едва ли не главная наука. Во всяком случае, для меня — главная.

— При чем здесь воображение? — Аня подняла бровь, что означало крайнюю степень удивления. — Воображение вообще-то для поэтов. У них оно богатое, вот они и пишут стихи. А физика?

Александр усмехнулся:

— Не каждый поэт может вообразить то, что изучает физика. А вот физик вполне может оценить хорошие стихи и даже сам их написать. Ладно, вернемся к делу. Пока не по за-

данному параграфу. Вот скажи: почему капля воды из-под холодного крана не растекается на тарелке?

— Мы этого не проходили, — буркнула Аня.

— А ты подумай.

— Наверное, есть какая-то формула, но мы ее еще не проходили, — настаивала на своем Аня. — Раз физика точная наука, значит, и формула, которую мы не проходили, имеется!

— Вот математика — бесспорно точная наука, — спокойно отреагировал Александр. — Насчет физики мнения расходятся. Одни считают ее точной наукой, другие естественной. Лично я придерживаюсь второго.

Валентина на кухне занималась обедом и, чтобы ничто не мешало занятию, выключила радиоприемник. Было тихо, и она хорошо все слышала.

— Но ведь любая формула — математическая, — включилась она в дискуссию. — Значит, как может физика существовать без математики?

— Не может, — согласился Александр. — Но любое открытие в физике создается изначально опытным путем. А вообще — ближе к делу. Давайте про каплю. Кто что скажет?

— Я не знаю, — призналась Валентина. — Сами скажите, отчего это она не растекается?

Бросив возиться на кухне, она устроилась в комнате за столом рядом с дочерью.

— Не растекается под воздействием силы поверхностного натяжения. Если же каплю нагреть, она растечется.

— То есть эта сила изменится? — догадалась Аня.

— Вот именно! Молодец, что-то соображаешь! — похвалил Александр.

Валентина подытожила сказанное Аней:

— Наверное, нагретая капля растекается потому, что возрастает движение молекул, а из-за этого и уменьшается ваше поверхностное натяжение?

— Ну вот! Наконец-то с каплей H_2O почти закончено, — снова похвалил уже обеих Александр. — Хотя, должен заметить, капли бывают разные. Не будем вдаваться в подробности этих процессов, поэтому перейдем к параграфу. Пора решать Анины задачи, но сначала проанализируем теорию. Повторяю, не просто выучим формулы, а проанализируем что тут к чему.

Аня с глубоким вздохом принялась за изучение параграфа, а Валентина вернулась на кухню. Когда время приблизилось к обеду, она, зайдя в комнату, увидела Аню и Александра, занятых решением последней задачи. Оба взглянули на нее, и Валентина заметила, как устала дочь, а квартирант хоть бы что — бодр и улыбочив.

— Вы скоро? — обратилась она к обоим. — Обед готов! И никаких отговорок! Вижу, занятие вот-вот закончится, а я уже в состоянии расплатиться с репетитором!

— Можно, пожалуй, — согласился Александр. — Даже с удовольствием! Признаться, поднадоела еда в столовой.

Аня мгновенно оживилась, лишь только закрыли задачник. Обед получился как будто семейный. И темы благодаря Ане общие нашлись, и пошутить каждый умел, и запахи в кухне стояли аппетитные. После дежурного «спасибо» Аня, торопливо натянув на голову вязаный колпачок и накинув куртку, помчалась вниз по лестнице, оставив широко распахнутой дверь квартиры. Валентина едва успела прокричать вслед: «Как остальные домашние задания?!» «Уже сделала!» — послышался ответ, сопровождаемый грохотом закрывающейся двери подъезда.

— Не расстраивайтесь, — Александр не мог не заметить несколько расстроенного лица Валентины. — Дети растут. Вы, наверное, в ее возрасте тоже не очень-то возле мамы сидели? Признавайтесь! А потом и вообще уехали. Кстати, обед был отличный. Даже душой отдохнул, не только насытил желудок.

— Правда? — лицо Валентины посветлело. — Я старалась. Все-таки вы полдня потратили на мою Анюту. Любит математику, все про математический факультет твердит. А как без физики туда?

— Это верно, — подтвердил Александр. — Но не отчаивайтесь. Аня очень способная. Наверстаем упущенное, думаю, быстро. Платить вам за ее учебу в вузе, уверен, не придется.

— Если бы даже я сейчас решила нанять репетитора, все равно расплачиваться не из чего пока, — призналась Валентина, убирая со стола. — Мы уже говорили с ней на эту тему. Анюта только на вид ветреная, а так она серьезная девочка.

Договорились, если в вуз не поступит сразу, то получит какую-нибудь специальность, востребованную сегодня. А дальше — время покажет...

Александр стоял в проеме кухни.

— Мне кажется, что востребованы только специальности для мальчиков, токарь, к примеру.

— Да нет, девочкам тоже можно что-то найти. Вчера прочитала объявление — нужны швеи, — Валентина кивнула на стопочку газет на холодильнике.

— Думаете, Аня ваша шить будет? — Александр, казалось, удивился.

— Будет. Куда ж деваться, — вздохнула Валентина. — Это и для жизни полезно, всегда пригодится. Впрочем, как и любое другое умение.

Валентине казалось, что она уже не впервой говорит с совершенно посторонним человеком о дочери, делится сугубо семейными проблемами с ним, ждет совета. Но почему бы и не довериться? Почему бы и не поговорить о главном для них обоих, о будущем дочери, которое уже не за горами. Не успеешь оглянуться, как выпускные экзамены, а там уже выбор пути, где немало зависит от разных обстоятельств. Возможно, для их преодоления и повстречался ей Александр. Может, повезло?! Квартирант попался знающий, бескорыстный.

— Может, вы хотите отдохнуть? — обратилась она к нему. — Вы первый раз дома в выходной.

— Пожалуй, прилягу, — согласился он. — Видите, благодаря занятиям с Аней и домашнему обеду появилась возможность в воскресный день почитать книжку. А так — снова на работу отправился бы.

— Неужели до сих пор такие завалы?

— Уже нет, один день в неделю можно выделить для отдыха. — Он улыбнулся. — Или для занятий с Аней.

— Вот еще кое о чем хочу поговорить. Задержитесь немного. Могу вам вдобавок к обеду второе предложение сделать. Раз надоели столовые и еда на ходу, приходите ужинать тоже с нами. Я все равно готовлю на двоих, поэтому для меня это будет необременительно. Мы с вами приходим в разное время, поэтому, если что, согреете еду сами. Чем по кафе вечерами ходить, всяко дома лучше. — Валентина покраснела от собственной смелости.

Александр как будто не заметил ее смущения или сделал вид, что не заметил.

— Что ж, — ответил он, — предложение заманчивое. Только еда денег стоит.

— Репетиторство тоже, — не замедлила ответить Валентина.

— С вами не договоришься, — рассмеялся он. — Я подумаю. Хотя... Думать не особенно хочется. Ладно. Постараюсь покупать что-то на десерт. И теперь мое предложение: давайте что-то тяжелое, картошку, например, буду я приносить. В противном случае столовая, — шуточно пригрозил он.

— Хорошо, — обрадовалась Валентина, а у самой на душе стало легко. — Мне по вечерам веселее будет. Анечки часто не бывает дома. То подружки, то спортзал, да мало ли увлечений у подростков... Я по большей части одна вечерами. Спокойно, это правда. Но тоскливо другой раз бывает. И насчет картошки согласна.

Остаток дня Александр провел у себя в комнате. Что-то читал, вскоре уснул у телевизора. Удивился, когда Валентина осторожно постучала и через закрытую дверь пригласила к ужину.

— Уже?! — изумился Александр. — Но я так и не успел ничего купить. Уснул. Недосыпаю постоянно, вот и ...

— Вот и хорошо. Хотя бы раз в неделю надо отдыхать, — засмеялась Валентина. — Не осуждайте себя и меня заодно. Думала, Анюта придет, а ее все нет и нет. Ужин остывает. Решила вас пригласить, а ей потом разогрею.

— Это вы хорошо придумали, — Александр уже с аппетитом приступил к трапезе. — Прямо как дома у мамы. Она так же вкусно готовила. — Александр снова заметил проступивший румянец на щеках Валентины. — Простите, я не о возрасте вашем, а о заботе хотел сказать. Очень вкусно. Завтра с меня торт!

«А ведь сравнил с мамой! — раздумывала на другой день Валентина по дороге на работу. — И старше-то я его всего на пятнадцать лет. Сам сказал, сколько ему. Такая же разница у нас с Сережей была. И никогда я ее не чувствовала!»

Когда на рабочем столе разложила бумаги, поняла, что сразу сосредоточиться не получится. Что это с ней? Какое ей дело до того, с

кем сравнивает ее квартирант? Не желая того, тихо, но вслух произнесла:

— И все-таки почему мужчинам незачем быть старше, а женщинам нельзя?

— Валентина Пална, это вы нас к дискуссии приглашаете? — живо откликнулась Нина, одна из молодых сотрудниц.

Валентина поняла, что проговорила. Вроде бы тихо, но услышали.

— Приглашаю, — нашлась она. — Фильм смотрела, вот и задумалась? Отчего так?

Сразу посыпались ответы:

— Вот именно — отчего? Как я думаю — в кино все дело. Режиссеры кто? Мужики! Они-то и ставят про себя самих! Пожилые особенно — про себя и своих юных пассий.

— И писатели не лучше! Не успевают женщины романы писать, поэтому мужчины опережают. Напишут о несчастной любви к молодой принцессе, как будто никого по возрасту найти невозможно, а потом их знакомые киношники фильмы про это же ставят! Да еще про свое житье-бытье рассказывают в передачах. Какой канал ни включи — все про артистов. И что рассказывают? Вот, мол, умерла спутница жизни, думал не переживу, но любовь к молодой теперь уже законной жене победила!

— Можно подумать, эти юные жены пошли бы за них, не будь они признанными да заслуженными!

— Вот именно. Главное, чтобы счастливый супруг не был бедным!

— Еще неизвестно, от кого ихние дети у этих счастливых престарелых отцов рождаются! Скорее всего — от молодых водителей их шикарных внедорожников или охранников.

— Не скажите, сейчас появились и другие темы. Наоборот — молодой мужчина обожает женщину в возрасте... К сожалению, таких фильмов очень мало, и нам, женщинам, как раз их и не хватает!

— А по мне, так лучше, чтоб не было большой разницы ни с той, ни с другой стороны. Например, как у нас с мужем. Заболит у меня что — я ему и пожалуюсь. А с молодым надо скрывать, делать вид, что у меня, как и у него, ничего не болит.

— А если и вправду ничего не болит? — вме-

шалась Валентина. — Тогда можно, что ли?

— Валентина Пална, у вас появился молодой ухажер? Ну-ка, рассказывайте, поделитесь с коллективом опытом!

— Да ну вас, — отмахнулась Валентина. — Это я просто так. Очередной фильм посмотрела, не спалось. Все про то же, о чем толкуете. У богатого немолодого мужчины плохая жена. А кухарка в их доме — молоденькая, хорошенькая и неприязательная. Выгнал богач из своего шикарного дома плохую стареющую жену, обеспечил ее и женился на кухарке. Все. Две серии, между прочим.

— А я такой же фильм видела, только по другому каналу. Но там не кухарка была, а воспитательница у детей! В вашем фильме дети с кухаркой остались?

— А как же. Жена-то плохая была. А на вашем канале?

— Не совсем плохая. Она, правда, не любила ни стирать, ни борщи варить, в то время как воспитательница все успевала. Только в моем фильме дети с женой остались, но с отцом встречались регулярно и гувернантку уважали.

— А я вот что думаю. Пожилой муж — это совсем неплохо. Моя подруга за такого вышла. Денег у него, как и у всех нас, немного, зато вместе с зарплатой пенсию ей отдает, не разбрасывает грязные носки, моет свою кружку и не забывает в туалете воду спускать!

— Про воду она неправду сказала, потому что старые как раз и забывают про нее! Вот папа мой, к примеру...

— Но у папы жена — твоя старая мама, а моя подруга — молодая. Поэтому муж и старается — и носки постирать, и в магазин сходить, и в туалете не забыть ни о чем...

Женщины так громко смеялись, что одна из них замахала руками и попыталась напугать сотрудниц приходом начальства. Когда несколько затихли, самая любопытная снова обратилась к Валентине:

— А у вас, Валентина Пална, появились, между нами говоря, некоторые изменения в стиле одежды, как будто вы уже и не одна, и вообще... Разве не так!

— Надо же, — удивилась Валентина, щеки ее порозовели. — Что это значит — «и вообще»? Неужели заметно?

— Вот вы и проговорились! Спросили, заметно или нет.

Валентина поджала губы, сдерживая улыбку:

— Ничего я не проговорилась. Так... Время идет, все меняется. Не первый год без мужа, стала иногда в зеркало смотреться.

— Ну... Не иногда...

— Чувствую, начали с кино, а перешли на меня, другой-то темы нет? — Валентина попыталась добавить голосу строгости. Женщины примолкли. — Как раз удобный случай сказать о важном для всех нас изменении в работе, — она оглядела отдел. — Готовится приказ о моем повышении. Буду скоро вашей начальницей.

Стало тихо.

— Сегодня меня начальство вызывало, — продолжила Валентина. — Заметили, наверное. Ну и объявили о моем новом назначении.

— А где же наша прежняя наставница? Мария Васильевна? Или все на больничном?

— Уже не на больничном. Но приходила на той неделе, подала заявление с просьбой предоставить ей другую работу. Так что никто никого не вытеснил. Она сама сказала, что в начальниках ей стало тяжело. Что скажете?

— Все правильно, — отозвалась за всех Нина. — Хорошо, что нам привыкать не надо к новому человеку. Да и вы нас знаете.

— Тогда за работу. Остальные проблемы обсудите в мое отсутствие. — Валентина понимающе улыбнулась.

«Что это они, — раздумывала она вечером. — Какие странные наблюдения. И насчет зеркала, и остального... Неужели что-то заметили, а я — нет? Хорошо еще, ничего не знают о квартиранте».

Вечером, перебирая в памяти события дня, главным из которых, конечно, было ее назначение на новую должность, Валентина вспомнила, что так и не позвонила Николаю Петровичу. А ведь человек давно ждет ответа. «И зачем только я решила тогда, что мне подумать надо, — с досадой размышляла Валентина. — Ведь и так ясно. Впрочем, тогда еще не было совсем уж ясно, как сейчас. Но почему?» Испугавшись собственного ответа, она поскорее набрала номер Николая Петровича.

— Спасибо за звонок, — раздался знакомый голос. — Я уж думал, совсем забыла обо мне.

— Нет, не забыла. Вспомнила, как видишь. Дела разные.

— Это отговорка? Прости за резкость. Скучаю по тебе.

— Мне-то некогда скучать. Столько забот с Аннушкой, а теперь прибавятся и по работе. Можешь поздравить, на повышение пошла, денег больше зарабатывать буду!

— Поздравляю, рад за тебя. Теперь-то уж точно без мужа обойдешься!

Валентина рассмеялась.

— Валя, все бы хорошо, но я ведь жду твоего ответа, — продолжил Николай Петрович. — И чувствую — не решаешься дать от ворот поворот. Или я не прав? Говори, я все пойму.

— Если понимаешь, тогда зачем спрашиваешь?

Валентина с трудом заставила себя произнести главные слова. Резко, не получилось по-другому. Зато решила наконец-то. Пусть так, чем тянуть время.

— Валя, и все-таки не торопись, — по упавшему голосу можно было легко догадаться, что в душе Николая Петровича надежда все же теплилась. — Но спасибо за откровенность. Тогда и я темнить не буду. Вот у тебя, говоришь, заботы с дочерью, а мои дети выросли. Того гляди внуки появятся. Но это будут уже их дети, не мои. Знаешь, тяжело одному. И вот еще что. Мой старый приятель, со студенческой скамьи дружим, еще до того, как я тебя встретил, познакомил меня с одной женщиной. В то время было не до знакомств, я еще переживал смерть жены. И вот недавно он сказал мне, что эта женщина все еще ждет и надеется...

Валентина облегченно вздохнула, как гора с плеч свалилась. Не дослушав до конца Николая Петровича, она взволнованно прервала его:

— Так это же прекрасно! Столько времени человек ждет, значит, ценит тебя. Я понимаю, как тяжело одному...

— Валя, не спеши с выводами, успокойся. Рада, небось, освободиться от назойливого старика. Да, женщина положительная во всех отношениях и внешне неплохая, но я все же надеюсь...

— Нет, не стоит терять время. И никакой ты

не старик, поверь мне. В общем, Николай, давай поставим на этом точку.

— У тебя кто-то появился?

— Нет у меня никого. Просто мне одной хорошо. Не представляю себя с другим мужем.

— Что-то, Валя, ты утаиваешь, — Николай Петрович вздохнул. — Ладно. Последую твоему совету. Надеюсь, мой телефон не забудешь? Ничего, если и я тебе позвоню иногда?

— Конечно, звони. Кто мне без тебя поможет рассаду на кладбище вывезти?

— Как соберешься, звони. Помогу. До связи.

Послышались гудки. «Наконец-то, — облегченно подумала Валентина. — Не очень-то приятно, но объяснение позади. Кажется, позвонила вовремя, кто-то идет». Входная дверь открылась, и на пороге возникла легкая фигурка Аннушки.

— Можно я просто чаю с печеньем попою? — торопливо раздеваясь, спросила она. — Мамочка, мне бежать надо. Юрка ждет. В спортзал опаздываем!

— Руки не забудь вымыть. Допоздна не гуляйте, знаю я ваши спортзалы.

— Да нет, правда, в спортзал идем. — Аня быстро опорожнила чашку чаю. — Можешь проверить.

— Еще чего, — Валентина улыбнулась. — Ладно, беги. Хотела с тобой поболтать, да не получается.

— Так подожди Александра Михайловича. Он теперь раньше приходит домой, вот и общаетесь! — Аня уже надевала спортивные брюки. — Пока!

Двери захлопнулись. Валентина огляделась. На столе немытая чашка, крошки от печенья, в прихожей разбросанные дочерью вещи, не успела убрать за собой. Но это жизнь, все лучше, чем одиночество, как у Николая Петровича. И ту же посуду ему убрать не за кем. Пусть у него сложится с этой женщиной. Привыкнет. Валентина взглянула на часы. Скоро подойдет Александр. Она прибрала дочкину одежду и решила подождать его, не хотелось ужинать одной.

А вот и он.

— Сегодня опять не успел ничего купить, — сообщил, раздеваясь. — Но я исправлюсь. Торопился. Знаю, что без меня за стол не сядете.

— Разве? — Валентина искренне удивилась.

— А вы и не заметили? Зато я теперь сыт и доволен жизнью. Мало того, спать стал ложиться вовремя. Ведь пока зайдешь в какое-нибудь кафе, пока разденешься, а потом одеваться надо, тащиться до гостиницы или до дому... Так и вечер проходит. Зато сейчас!

Он с удовольствием принял за еду. Валентина последовала его примеру.

— У вас всегда такой аппетит — приятно посмотреть. Я и сама поправляться стала, без вас столько не ела.

Ей было приятно, что он оценил и домашний уют, и вовремя приготовленную еду. И вообще, Аннушка все чаще убегает по вечерам, а с квартирантом она не одна.

— Чтоб не поправляться, надо на лыжах ходить или в спортзал, как Аня, — продолжал тему Александр, по-свойски добавляя себе гарнир.

— Ой, не люблю я эти душные спортзалы, а лыжный сезон уже прошел, — возразила Валентина.

— Я видел у вас на балконе велосипед. Наверное, Анин. Если не возражаете, куплю и себе. Надо только с ней договориться о времени, пока машина у вас одна на двоих. Тогда можно будет нам вдвоем иногда совершать вечерний променад, а в выходные, если есть время, легкий обед — и на велосипед! Или велосипед, а еда — потом!

— Вдвоем — это вы со мной? — Валентина почувствовала, как предательская краска, словно в молодости, заливает ее лицо.

Александр искренне удивился:

— С вами, конечно. Как — идет?

Валентина растерялась. Ответила неуверенно:

— Не знаю. Велосипед, безусловно, покупайте. Да и я в скором времени смогу своим обзавестись. Повышение по службе получила. Не хотела хвастаться, но так вышло, что сегодня только и говорю об этом. А вот насчет прогулок... При чем здесь я? И как я буду выглядеть в компании с вами?

— Да как и кто-нибудь другой, — голос Александра вселял уверенность и оптимизм. — Наденете спортивный костюм — и вперед! Хотя бы на полчаса. Ну, с этим решили, так я понял. И не думайте отказываться. Еще с повышением вас! И последнее — о физических на-

рузках, чтобы не передумали. Поймите, я не приглашаю вас в спортивную секцию или на соревнования. Просто хочу, чтобы вы своим здоровьем занимались. А без физкультуры о здоровье можно позабыть! Есть еще способ бывать на улице почаще. Это прогулки с собакой, если совсем не хочется одной.

— Ни в коем случае, хотя люблю животных, — покачала головой обезоруженная Валентина. — Что будет собачка делать здесь одна целый день? Да и пока некому выгуливать ее столько, сколько требуется. Даже котенка брать не решаюсь, он тоже будет скучать в одиночестве. Вот выйду на пенсию...

— Какая пенсия! Вам ли думать о ней! Не представляю вас в этой роли. Как это будет выглядеть: бабушка в вязаной куцей шапочке и старых кроссовках ведет на веревочке толстого старенького пуделя!

Валентина рассерженно возразила, как будто что-то всколыхнулось внутри:

— Скажите на милость, почему это бабушка должна обязательно ходить в куцей шапочке? И почему пудель обязательно толстый? Неужели права мои девчонки на работе? Как пожилая женщина — так и старушка в поношенных кроссовках?

Александр, почувствовав, что дал промах, быстро сориентировался и как ни в чем не бывало продолжил:

— Валентина Павловна, так и будем пререкаться? Ну, простите, сказал глупость. Но и я обидеться могу тоже! Вот сейчас возьму и передумаю, и останетесь в ожидании пенсии безо всяких велосипедных прогулок. А ведь долго еще ждать придется! Одним словом, не будете заниматься собой, значит, на пенсии придется тратить время не на красивую худенькую и стройную собачку, а на посещение аптек или поликлиники.

— Перспективы нарисовали неутешительные. — Валентина улыбнулась, словно и не было никаких споров. — Ладно, покупайте себе велосипед, а я пока Аннушкиным обойдусь.

— Вот и прекрасно! Аннушка ваша выросла, между прочим. У нее есть с кем на велосипеде покататься. В общем, договорились, — подытожил квартирант. — В ближайшее время покупаю велосипед. Теперь в выходной я с утра

занимаюсь с Аней, а вы — едой на кухне. Готовите что-нибудь несложное, потом до обеда катаемся. От ваших ужинов и обедов по выходным, чувствую, тоже набрал вес. Исправляться нужно. — Александр чуть помолчал, а потом мягко добавил: — И еще — насчет повышения... Вам ведь уже не нужен будет квартирант? А то я уже привык к хорошему...

— Да что вы! — мгновенно возразила Валентина. — Живите сколько надо. Пока о переменах не думаю. К тому же всякое повышение оформляется не в один день. Так что разбогатею нескоро.

В этот вечер Валентина долго не могла заснуть. Бывает же столько событий в один день! И что это Александр такие грандиозные планы строит? Прямо член семьи. А как же квартира? Говорил, долго у нас не задержится. И почему сразу не отвергла велосипед этот? Так ли нужны эти прогулки по выходным? И отчего сразу принялась почти что уговаривать его остаться с ней и Аней, а не думать о другой квартире?

Пресловутый внутренний голос подсказывал, что лучше было бы не связываться с совместным времяпрепровождением любого рода. Но другой голос, подозрительно вкрадчивый, вещал о другом. Он шептал, что ничего особенного не происходит. Ну, обедает по вы-

ходным и ужинает квартирант с ними — так это расчет за репетиторство. А велосипед? Просто не обзавелся он еще друзьями, некогда, работает много. Ну, и заботится, конечно, о ней, так это опять же потому, что в противном случае придется снова по столовым шататься. Нет, нет... Как-то неубедительно получалось... Пожалуй, надо с Ольгой поговорить.

(Окончание следует)

□

Наталья Григорьевна КРАСАВЦЕВА

родилась в Петрозаводске в 1945 г.

Окончила Иркутский госуниверситет, филолог.

Жила и работала на Украине.

В Карелии с 1991 года.

Профессия — журналист.

Печаталась в региональных, российских и зарубежных СМИ.

Автор трех книжек для детей:

«Старая лошадка» (2007), «Паккайне-Морозец» (2009),

«Дедушка, Skype и Outlook Express» (2012).

Член Союза писателей России.

Живет в Петрозаводске.

